

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.И. Барсов

Св. Григорий Богослов как
проповедник

Опубликовано:
Христианское чтение. 1886. № 9-10. С. 316-361.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Св. Григорій Богословъ, какъ проповѣдникъ ¹⁾.

I.

I. Черты жизни св. Григорія и его образованіе. Характеристика его личности. Общая характеристика его, какъ проповѣдника.—II. Хронологическій обзоръ его проповѣдей. Первенцы его краснорѣчія и проповѣди, сказанныя въ бытность пресвитеромъ.—III. Проповѣди епископскія до константинопольскія.—IV. Проповѣди константинопольскія.—Три послѣднія проповѣди Григорія.—V. Замѣчанія статистическія о проповѣдяхъ Григорія.

Въ 379 году, въ самый разгаръ еретическихъ смуть въ церкви, въ Константинополь прибылъ человекъ, родомъ изъ незначительнаго мѣстечка каннадокійской области Арианза, въ простой и бѣдной одеждѣ, съ станомъ нѣсколько согбленнымъ, съ головою, почти

---

¹⁾ Изъ приготовленнаго къ изданію сочиненія: «Исторія христ. проповѣди въ IV в.», составляющаго продолженіе книги: «Исторія первобытной христіанской проповѣди (до IV в.)» Спб. 1885 г. Матеріалы для біографіи Григорія Богослова: *его сочиненія* (особенно похв. слово Василию Великому и *стихотворенія* о своей жизни въ IV и VI частяхъ его сочиненій по русск. изд.): *Vita S. Gregorii, ex ipsius potissimum scriptis adornata* (Migne, t. XXXV); *Vita S. Gregorii, a Gregorio presbytero graeco conscripta*—у Мина t. XXXV. col. 243—304 и въ *acta sanctorum*, mѣns. Mai; *Иеронимъ*, каталогъ, гл. 113. 117; *Фотій*, въ *biblioth. cod.* 477, 243, 246, 247, 273, 291; *Dupin*, t. II, p. 201; *Cave*, t. I, p. 246, *Tillemont*, t. IX; *Oudin*, t. I, p. 614; *Fabricius*, *biblioth. graeca*, I, 5, c. 13, § 1, vol. VII, p. 508; *Ceiller*, t. VIII, 1 (по изданію 1860 г. t. V); *Clemencet*—*vita s. Gregorii in edit. opp. Greg. Benedictina*; *Hermant*, *La vie de S. Greg. de Nazianz*. Paris 1679 t. II; *Less*, *opuscula theologica exaget. atque homilet. argum.* t. I, Goett. 1780. *Ulmann*: *Gregorius von Nazianz, der Theologe*. Darmst. 1825, 2-е изд. 1867 г. *Nebe*, *Zur Geschichte der Predigt*, Wiesbaden, 1879, band. I. s. 41—112; *Weis*, *Die grossen Kappadocier, Basilius, Gregorius v. Nazianz und Gregorius von Nyssa*. Leipzig, 1872.; *Willemain*, *Tableau de l'eloquence chretienne au IV siècle*. 1854 p. III sq.; *Manteaux*: *Revue critique de quelques questions historiques se rapportant à S. Gregoire*

Лишнюю волосъ, съ некрасивымъ складомъ лица, изпуреннаго слезами, постомъ и бдѣніемъ, съ руками, зазубренными отъ черныхъ полевыхъ работъ, съ грубымъ капшадокійскимъ произношеніемъ, по—человѣкъ съ рѣдкими дарованіями ума, съ глубокимъ и основательнымъ знаніемъ св. Писанія и твореній отеческихъ, съ изумительнымъ запасомъ самыхъ разнообразныхъ свѣденій, какія до тѣхъ поръ „собрали Востокъ и Западъ и краса Эллады—Аѳины“, съ краснорѣчіемъ строгимъ, рѣзкимъ и величественнымъ, съ душою пылкою и прямою, не умѣвшею привязываться къ чему-нибудь на половину и чувствовать что бы то ни было слегка. Это былъ св. Григорій, у Бога молитвами испрошенный своею матерію и еще прежде рожденія посвященный ею на служеніе въ церкви, какъ нѣкогда Самуилъ ¹⁾).

Св. Григорій родился около 326 г. отъ родителей богатыхъ, что видно изъ того, что они имѣли рабовъ и на свои средства

---

de Nazianze, Paris, 1878. *Салмица*, жизнь св. Григорія Богослова въ прибавл. къ «Твор. св. отцевъ» ч. I. 1843. *Шалфеева П. И.*, Св. Григорій Богословъ, какъ учитель вѣры, «Христ. Чит.» 1861, ч. I, стр. 264. *Троицкая И. Е.*, Последние годы жизни св. Григорія Богослова, «Христ. Читен.» 1863. II. 147. «Св. Григорій Назіанзенъ, Григорій Нисскій и Василій Великій (по Вильменю)», «Духовная Беседа» за 1874 г. подъ ред. прот. I. Якопова, т. II. «О стихотвореніяхъ Григорія Богослова», «Труды кievск. акад.» 1865 г. «О характерѣ словъ св. Григорія Богослова», «Воскресн. Читеніе» XIX, 427. Въ «Православн. Собесѣдникѣ» за 1886 г. статья: «Стихотворенія Григорія Богослова». Изданія его сочиненій исчислены и рассмотрѣны въ vita S. Gregorii ex ipsius scriptis adornata у Мана т. XXXV, col. 9 и у Seiller. Лучшія изъ нихъ: 1) Opp. S. Gregorii, ed. graece, Basil, 1550, 2) ed. Billii emendata, aucta, graece et latine, Paris, 1609, 1611; 1630 гг., 3) ed. Colon. 1690 г., 4) ed cum variarum commentariis, aucta et notis illustr., Venetiis 1753. 5) ed. studio monachorum S. Mauri (*Clemencet*), Paris 1778 t. I и 1849 t. II, 6) *Hansel*: Gregorii oratio in novam dominicam, Lips. 1836. 7) *Migne*, patrologiae cursus completus series graeca, H. XXXV—XXXVIII. Русское изданіе. въ «Твореніяхъ св. отцевъ» въ русскомъ переводѣ томы I—VII, Москва 1843—1849. Отдѣльно сочиненія св. Григорія издавались на русскомъ языкѣ въ «Христ. Читенія» и «Воскресномъ Читеніи» (см. по указаніямъ къ этимъ журналамъ).

¹⁾ Тавими словами характеризуетъ Григорія П. И. Шалфеевъ, въ статьѣ «Св. Григорій, какъ учитель вѣры», «Христ. Чит.» 1861. I. 265. Внѣшнія черты этого портрета нарисованы по указаніямъ, содержащимся въ самыхъ сочиненіяхъ Григорія—въ стихотвореніяхъ и въ словахъ 36 (по русск. изд.).

построили храмъ ¹⁾, и знатныхъ, что доказывается тѣмъ, что одинъ изъ ихъ сыновей Кесарій, не смотря на то, что былъ христіанинъ, былъ взятъ на службу ко двору императора Юліана и занималъ при немъ видныя должности (сначала старшаго врача, потомъ главнаго казначейщика). Отецъ его Григорій убѣжденіями своею благочестивой жены Нонны, которую ея сынъ называетъ „по тѣлу только женщиной, а по праву превышавшей мужчинъ“, былъ обращенъ въ православіе изъ полужыческой и полуіудейской секты ипсистеріевъ ²⁾ и позже сдѣланъ былъ епископомъ Назіанза. Образование Григорія съ самаго начала велось въ такомъ направленіи, которое должно было и развить въ немъ любовь къ словесному искусству, и сообщить ему самое лучшее знаніе этого искусства. Еще во время пребыванія его при родителяхъ, въ то время какъ мать приучала его къ благочестивымъ христіанскимъ упражненіямъ и развивала въ немъ любовь къ изученію слова Божія, наставникомъ его въ наукахъ былъ его дядя Амфилохій, учитель краснорѣчія, котораго Григорій называетъ „великимъ“, „прекраснымъ храмомъ витійства“, „обладавшимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, превосходившимъ въ этомъ всѣхъ каппадокіянъ“ ³⁾. Можетъ быть подъ вліяніемъ уроковъ Амфилохія Григорія „объяла, по его словамъ, пламенная любовь къ наукамъ словеснымъ“. Съ цѣлію „обогатить себя языческою ученостію, чтобы употребить ее въ пособіе христіанскому просвѣщенію, Григорій посѣщаетъ сначала Кесарію каппадокійскую, которую называетъ своею „руководительницею и наставницею въ словѣ“ ⁴⁾, потомъ Кесарію палестинскую, ради процвѣтавшаго тамъ училища краснорѣчія, и риторы Феопесія ⁵⁾;

¹⁾ См. творенія св. Григорія въ русск. изд. т. VI, стр. 7.

²⁾ См. слово Григорія XVIII. т. II, стр. 104. Объ ипсистеріяхъ соч. *Ulmann—de Hipsistariis*, Heidelberg, 1823.

³⁾ Ему Григорій написалъ похвальное слово и сень епитафій, см. соч. Григ. въ русск. изд. т. V, стр. 353—355. Этотъ Амфилохій былъ отцомъ св. Амфилохія, еп. иконійскаго. Во второй изъ епитафій Григорій говоритъ опредѣленно, что составляя ее, онъ имѣлъ въ виду словомъ возблагодарить его за слово, которому научился у него.

⁴⁾ Твор. Григ. т. IV, стр. 66.

⁵⁾ „Я по любви къ краснорѣчію остался въ палестинскихъ училищахъ...“ Соч. Григ. т. I, стр. 245. Также у Иеронима, ватал. 113.

блаженный Геропимъ говоритъ объ обученіи его краспорѣчію у знаменитаго Полекона въ Смирнѣ. Неизвѣстно, сколько времени пробылъ онъ затѣмъ въ Александріи во время самой горячей борьбы, которую велъ тамъ Аѳанасій съ аrianствомъ; слушавъ здѣсь, можетъ быть, знаменитаго богослова Дидима слѣпца, видѣвъ великаго Антоція и Павла Фивейскаго, онъ, вѣроятно, отсюда же вынесъ зачатное въ его сочиненіяхъ расположеніе къ философіи Платона, любовь къ Оригену и тотъ горячій энтузіазмъ къ православію, образецъ котораго являлъ для всего міра великій Аѳанасій. Будучи двадцати-четырехъ лѣтъ, Григорій прибылъ въ „обитель наукъ“ Аѳины, гдѣ вмѣстѣ съ Василиемъ изучалъ грамматику, риторику, математику, исторію и философію, имѣя своими главными учителями знаменитыхъ раторовъ Гимерія (315—386 г.) и Прозерсія¹⁾. Самымъ основательнымъ образомъ изучивъ классическую науку и литературу, онъ однако не увлекся тѣми похвалами, какими иждѣстныя знаменитости науки и краспорѣчія превозносили язычество, и самыя усердыя просьбы многочисленныхъ друзей занять кафедру краспорѣчія въ томъ самомъ училищѣ, гдѣ онъ былъ ученикомъ, могли удержать его въ Аѳинахъ лишь на самое короткое время, послѣ чего онъ возвратился на родину. Прибывши въ Назіанзъ, Григорій колебался, какой образъ жизни ему избрать—удалиться ли въ уединеніе, или остаться жить въ мірѣ дѣвственникомъ. Въ Александріи онъ, вѣроятно, близко узналъ тотъ и другой образъ жизни, первый (ἀζωγισμὸν) въ лицѣ великаго Антоція, второй (μυῦδος) въ

¹⁾ Гимерій былъ родомъ изъ Визевіи. Онъ былъ язычникомъ (почему императоръ Юліанъ сдѣлалъ его своимъ секретаремъ), но всегда относился къ христіанамъ съ умирностію и терпимостію. Фотію были извѣстны 71 рѣчь этого ратора, изъ которыхъ въ его «библіотекѣ» сдѣлаю 36 выписокъ, а 24 рѣчи его сохранились до нашего времени въ полномъ составѣ и изданы сначала Вернадорфомъ (1790 г.), а потомъ Дюбнеромъ (1849 г.). Прозерсій былъ христіанинъ, родомъ изъ Арменіи (Сократъ IV, 26, VI, 17). Онъ былъ христіанинъ, почему послѣ извѣстнаго эдикта Юліана долженъ былъ прекратить свое преподаваніе въ Аѳинахъ. Въ надгробіи Прозерсію Григорій Богословъ говоритъ, что онъ «приводилъ въ потрясеніе весь міръ новородившимися рѣчами» (соч. Григорія V, 347). Подробнѣе объ этихъ учителяхъ Григорія см. *Любкера*, реальный словарь классической древности, переводъ Модестова, 1884—1886, стр. 486.

лицѣ Аонасія. Необходимость не покидать престарѣлыхъ родителей склонила его ко второму образу жизни, и онъ остался въ Назіанзѣ, сдѣлавъ по желанію родителей нѣсколько опытовъ публичнаго свѣтскаго ораторства. Но скоро склонность къ жизни созерцательной побудила его удалиться въ Шонтъ въ уединеніе Василія, въ которомъ друзья, ведя самую простую деревенскую жизнь, наслаждаясь лишь красотами мѣстной природы, занимались молитвою, чтеніемъ св. Писанія и твореній Оригена, изъ экзегетическихъ работъ котораго составили филокалію. Разладъ отца Григорія съ своею паствою, негодовавшей на него за то, что по своей старческой простотѣ онъ подписалъ еретическій символъ, побудилъ Григорія возвратиться въ Назіанзъ, чтобы употребить все мѣры къ водворенію мира между пастыремъ и пасомыми. Едва онъ прибылъ къ отцу, какъ противъ воли былъ посвященъ имъ въ пресвитеры (361 г.). Недовольный такою тиранніею (*τραχυδα*), весьма обычною въ то время, Григорій снова оставляетъ Назіанзъ и удаляется въ уединеніе къ Василію. Просьбы престарѣлаго отца, а равно и жителей Назіанза побудили его однакожъ снова возвратиться. Въ Рождество Христово онъ былъ рукоположенъ въ пресвитера, въ праздникъ Крещенія оставилъ Назіанзъ, а къ Пасхѣ опять былъ уже съ отцомъ.

Между тѣмъ Василій, его другъ и товарищъ по образованію, былъ избранъ въ епископа Кесаріи и немедленно пожелалъ сдѣлать своего друга епископомъ въ одной изъ мѣстностей своей митрополи. Убѣжденный доводами старца-отца, Григорій припалъ, хотя и не охотно („преклонившись главою, не преклонился духомъ“. „иакѣ на мнѣ помазаніе Духа и иакѣ сѣтуя кожду“, говорилъ Григорій) посвященіе въ епископа Сасимы, мѣстности, бывшей спорною между двумя смежными митрополіями—кесарійской и тіанской; но не будучи въ силахъ справиться съ затрудненіями, какія представляло это бойкое, хотя и незначительное мѣстечко испорченностію нравовъ своихъ жителей, а еще больше тѣми неприяностями, какими угрожалъ ему епископъ тіанскій, онъ опять удалился въ уединеніе, изъ котораго впрочемъ вскорѣ возвратился въ Назіанзъ, для того, чтобы быть помощникомъ маститаго старца-отца. По смерти его

(въ 374 г.) онъ однако отказался быть его преемникомъ и снова удалился въ уединеніе въ Селевкійскій монастырь св. Феклы.

По смерти Валента (378 г.) соборъ антиохійскій пригласилъ Григорія устроить бѣдствующую церковь константинопольскую. Прибывъ въ Константинополь (въ 379 г.), онъ остановился въ домѣ своей племянницы, который и былъ сначала въ это время единственнымъ мѣстомъ православной проповѣди въ Константинополѣ, а съ обращеніемъ его въ храмъ, названный Анастасіей (т. е. воскресеніемъ, въ знакъ того, что здѣсь какъ бы воскресено православіе въ Константинополѣ), единственнымъ мѣстомъ православнаго богослуженія, такъ какъ всѣ прочіе храмы столицы были ранѣе насильно отняты отъ православныхъ Валентомъ въ пользу аріанъ и другихъ еретиковъ. Проповѣди Григорія, особенно „слова о богословіи“, привлекали множество слушателей не только изъ православныхъ, но и изъ еретиковъ, евреевъ и язычниковъ. Но скоро враги православія устроили рядъ бѣдъ для проповѣдника: надъ нимъ смѣялись, въ него бросали камнями, покушались даже на его жизнь; нѣкто Максимъ, имъ облагодѣтельствованный, готовилъ его изгнаніе... Но православные тѣсно сплотились около Григорія, признавъ его своимъ епископомъ; число ихъ увеличивалось со дня на день послѣ того, какъ императоръ Θεодосій объявилъ себя за православіе и издалъ указъ противъ еретиковъ. Собранный въ 381 г. второй вселенскій соборъ, согласно желанію императора, провозгласилъ было Григорія епископомъ столицы; но сначала настойчивое желаніе Григорія видѣть епископомъ антиохійскимъ, на мѣсто скончавшагося во время собора св. Мелетія, Павлина возбудило противъ него неудовольствія; а потомъ прибывшіе въ слѣдъ за тѣмъ на соборъ епископы египетскіе и македонскіе провозгласили переводъ епископа сасимскаго на кафедру Константинополя несогласнымъ съ канонами; наконецъ многіе негодовали на него за то, что велъ самый простой образъ жизни и чуждался обычной столичной роскоши, а еще больше за то, что онъ отказывался дѣйствовать противъ еретиковъ тѣми мѣрами насилія, какими послѣдніе дѣйствовали раньше противъ православныхъ, не мстилъ имъ, имѣя къ тому возможность, и усиливался обратить

ихъ къ истинѣ хѣрами кротости и убѣжденія. Тогда Григорій, ради мира церковнаго, рѣшился пожертвовать собой, отрехшись добровольно отъ своей кathedры. Онъ удалился въ Аріалзъ, откуда впрочемъ не переставалъ дѣйствовать ко благу церкви своимъ вліяніемъ чрезъ многочисленныя письма разнымъ лицамъ. Въ это же время онъ написалъ большую часть дошедшихъ до насъ его стихотвореній. Скончался великій борець за православіе въ 389 г.

Изъ этого краткаго очерка жизни Григорія можно уже составить понятіе о его характерѣ. Личность идеальная и возвышенная, онъ не былъ созданъ для практической дѣятельности, не обладая ни силою воли, ни энергіей, ни практическимъ умомъ и хладнокровіемъ, качествами столь необходимыми въ это ужасное для церкви время. Едва принявъ священство, онъ убѣгаетъ въ пустыню, едва сдѣлавшись епископомъ, оставляетъ епископію, едва признанный архіепископомъ константинопольскимъ, отрывается отъ избранія; въ томъ, другомъ и третьемъ случаѣ — не будучи въ силахъ совладать съ неблагоприятными условіями, которыя для другого, болѣе практичнаго и съ большею силою воли, не были бы столь непреодолимыми. Самъ Григорій прекрасно опредѣляетъ себя, когда говоритъ ¹⁾ въ одной изъ самыхъ раннихъ своихъ проповѣдей, что его главная забота состоитъ въ томъ, чтобы, „какъ бы замянувъ все чувства, отрѣшившись отъ плоти и міра, собравшись въ самого себя, безъ крайней нужды не касаясь ничего человѣческаго, бесѣдуя лишь съ самимъ собою и Богомъ, жить превыше видимаго, носить въ себѣ божественные образы, непрестанно дѣлаться чистымъ зеркаломъ Бога, приобрѣтати къ свѣту свѣтъ, сожителствовать съ ангелами и, находясь еще на землѣ, оставлять землю и возноситься духомъ горѣ“ (I, 20). Не только послѣ тяжелыхъ жизненныхъ неудачъ, но и постоянно ему было присуще желаніе „бѣжать оттуда, гдѣ живутъ люди, поселиться въ пустынѣ и жить хоть со звѣрями, которые вѣрнѣе людей, проводить жизнь безъ слезъ и заботъ, имѣя одно преимущество предъ животными — умъ, вѣдающій Божество“. Сладость религіознаго созерцанія наполняла его душу священнымъ восторгомъ;

¹⁾ Соч. Григорія, ч. I, стр. 20.

углубляться умомъ въ богооткровенныя истины, раскрывать и уяснять ихъ собѣ было для него выше всѣхъ наслажденій. И если его попытки практической дѣятельности въ церкви были болѣе или менѣе неудачны, то здѣсь, въ области богословскаго мышленія, онъ является по истинѣ великимъ, такъ что усвоенное ему еще въ древности названіе „Богослова“, которое до него усвоилось единственно апостолу Іоанну евангелисту, было его истинной характеристикой, дѣломъ сущей справедливости. Руфинъ не преувеличивалъ, когда говорилъ: „Григорій — мужъ несравненный во всѣхъ отношеніяхъ, доставилъ блистательнѣйшій свѣтъ знанія церквамъ І. Христа, показалъ ученіе, равное своей жизни. Ничего нѣтъ честнѣе и свѣтлѣе его жизни, извѣстнѣе его краснорѣчія, чище и правѣе его вѣры, полнѣе и совершеннѣе его знанія: онъ одинъ таковъ, что о его вѣрѣ не могли спорить и несогласные между собою... Ясный знакъ, что тотъ не держится правой вѣры, кто не согласенъ въ вѣрѣ съ Григоріемъ“¹⁾. Въ частности Григорій при разсужденіяхъ о догматахъ отличается необыкновенною смѣлостію, по замѣчанію проф. Шалфеева, напоминающею смѣлость Оригена (съ тѣмъ различіемъ, что онъ счастливѣе Оригена въ своихъ попыткахъ уяснить возвышеннѣйшіе вопросы богословія и во избѣжаніи мнѣній ошибочныхъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельностью и поразительностью своего богословствованія. Во все, что онъ находилъ въ словѣ Божіемъ, въ твореніяхъ отеческихъ, въ мірской учености — онъ вдумывался глубоко, все перерабатывалъ своею могучею мыслью и усвоилъ до того, что его ученіе, будучи ученіемъ вселенской церкви, есть въ то же время его собственное ученіе, или, лучше, его ученіе становилось ученіемъ церкви, потому что представляло лучшую, вполне вѣрную основнымъ догматамъ церкви интерпретацію ея символовъ. Въ этомъ смыслѣ весьма вѣрно его иногда называли²⁾: Григорій—умъ, *Γρηγόριος ὁ νοῦς*.

¹⁾ Rufini Prolog. in libros Gregorii въ изданіи твореній Григорія Billii, t. I, p. 726—727. Также у Мина, t. XXXV, ol. 305. Здѣсь же отзывъ о немъ Василія Великаго «Григорій уста Христовы», Феодора Студита («Григорій—корней отцовъ»), Свиды, Симеона Метрораста и др.

²⁾ названъ Кесарійскій (X в.), см. *Bandini, ta: ciculus rerum ecclesiasticarum*, Florentiae, 1763 г. 21*

Но особенно заслуживаетъ Григорій вниманія, какъ христіанскій проповѣдникъ — *ораторъ*. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ является не только богомудрымъ церковнымъ учителемъ, но и великимъ художникомъ слова, поборникомъ и представителемъ въ проповѣди ораторскаго искусства. Такъ почиталъ себя самъ Григорій, такимъ онъ былъ въ дѣйствительности. „Сей даръ — (даръ слова) приношу я Богу моему, это одно, что осталось у меня, чѣмъ богатъ я, только словомъ владѣю я, какъ слуга Слова; никогда не хотѣлъ бы я пренебрегать этимъ богатствомъ; я уважаю его, дорожу имъ, утѣшаюсь имъ болѣе, чѣмъ другіе утѣшаются всеми сокровищами міра. Оно — спутникъ всей моей жизни, добрый совѣтникъ и собесѣдникъ, вождь на пути къ небу и усердный сподвижникъ“ ¹⁾. „Да раздѣлять со мною мое негодованіе, говоритъ Григорій въ словѣ на Юліана, по поводу запрещенія христіанамъ посѣщать языческія риторическія школы, всѣ любители словесности, занимающіеся ею, какъ своимъ дѣломъ, люди, къ числу которыхъ и я не откажусь принадлежать. Все прочее оставилъ я другимъ, одно удерживаю за собою — искусство слова, и не порицаю себя за труды на сушѣ и морѣ, которые доставили мнѣ сіе богатство. О еслибы я и всякій мой другъ могли владѣть силою слова! Вотъ первое, что возлюбилъ и люблю я послѣ первѣйшаго, т. е. божественнаго... Если всякаго, какъ говорятъ Пиндаръ, гнететъ своя поща, то и я не могу не говорить о любимомъ предметѣ, и не знаю, можетъ ли что быть справедливымъ, какъ словомъ воздать благодарность за искусство слова словеснымъ наукамъ!“ ²⁾. Эта его особенность — ораторскій характеръ его проповѣди — съ одной стороны является въ немъ, какъ врожденный даръ, съ другою — какъ плодъ его школьнаго образованія. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ смотрѣлъ на искусство слова, какъ на одно изъ сильнѣйшихъ средствъ для защиты и распространенія истины. Весь ходъ его школьнаго образованія, какъ мы видѣли, приуроченъ былъ къ тому, чтобы образовать изъ него оратора. Въ школахъ Кесаріи каппадокійской, какъ и

¹⁾ Слово о мирѣ I, 222.

²⁾ Твор. Григорія I, 155.

Кесаріи палестинской на краснорѣчіе смотрали, какъ на главный предметъ обученія; въ Аѳинахъ высшимъ отличіемъ считалось блистать въ ряду риторовъ. Учители и ученики никого такъ не уважали, какъ краснорѣчивыхъ; школьное юношество осыпало своими шаловливыми насмѣшками тѣхъ, кто не обладалъ талантомъ къ ораторству; предметомъ ихъ школьныхъ состязаній было не что иное, какъ краснорѣчіе, и никто кромѣ одерживавшихъ побѣды въ этихъ состязаніяхъ не пользовался ни честію, ни завистію. Таковъ былъ характеръ этого времени въ направленіи образованія — и Григорій дѣйствительно превзошелъ въ этомъ отношеніи своихъ товарищей, если его принудили, хотя на нѣкоторое время, взять тамъ на себя даже обученіе ораторству. Позднѣйшее его ипическое уединеніе не только не парализовало дальнѣйшее его развитіе въ этомъ направленіи, но и еще содѣйствовало ему, обогативъ его богословской эрудиціей, чрезъ что его краснорѣчивое слово дѣлалось и содержательнымъ. Знакомство съ экзегетическими работами Оригена и другихъ развило въ немъ способность толкованія слова Божія; вообще же уединеніе развило въ немъ религіозное чувство и силу религіознаго убѣжденія, сказавшюся искренностію, теплотою, глубокою задушевностію и назидательностію, какія находимъ въ его проповѣдяхъ. Когда обстоятельства вызвали его на дѣятельный проповѣдническій трудъ, ему присуща была та высшая компетентность въ догматическомъ ученіи, какой только можно было желать для побѣды надъ заблужденіями ереси, достойное всякаго уваженія сознаніе своей силы, своего умственного превосходства, самостоятельность и сила духа. А то, чего ему сначала не доставало, именно знаніе человѣческаго сердца и жизни, въ чемъ такъ много превосходилъ его Василиій, ему далось мало по малу потомъ, рядомъ тяжелыхъ опытовъ и горькихъ разочарованій, охладившихъ его первоначальный непошранный идеализмъ въ отношеніяхъ къ людямъ. Хотя въ его проповѣдяхъ чаще всего слышится горечь и разочарованіе въ людяхъ, но онъ нескудны и замѣчаніями, мѣтко характеризующими нравственную сторону современной ему жизни. Справедливое сознаніе своего достоинства и превосходства предъ другими особенно слышится въ его прощальной рѣчи къ константинопольскому собору,

которая вмѣстѣ съ тѣмъ служить и свидѣтельствомъ о характерѣ и достоинствѣ его проповѣди.

Какъ проповѣдникъ, Григорій пользовался высокимъ уваженіемъ еще въ свое время. Еще при его жизни проповѣди его переводились на латинскій языкъ Руфиномъ, отзывъ котораго о Григоріи мы привели выше. Иеронимъ, будучи уже пятидесяти лѣтъ, изъ своего сирійскаго уединенія прибылъ въ Константинополь съ нарочитою цѣлію слушать его проповѣди и называлъ его потомъ мужемъ краснорѣчивѣйшихъ, своимъ учителямъ, у котораго научился толкованію св. Писанія—*Gregorius, vir eloquentissimus, praesceptor meus, quo scripturas explanante didici* ¹⁾. Извѣстный своею учевостію и краснорѣчіемъ Евагрій былъ ученикомъ Григорія. Всѣ древніе и новые писатели, говоря о Григоріи, превозносятъ его похвалами. Эразмъ Роттердамскій ²⁾ первый къ похваламъ за воз-

¹⁾ Каталогъ, глава 117. Также Руфина кн. 1-я: *Quis apud Latinos par sui (Gregorii) est? quo ego magistro gloriator et exulto.*

²⁾ Вотъ отзывъ Эразма (*epist. praefixa, edit. Claudii Chevallonii*): *In Gregorio pietas propemodum ex aequo certat cum facundia; sed amat significantes argutias, quas eo difficilius est latine reddere, quod pleraeque sunt in verbis bitae. Tota vero phrasis nonnihil accedit ad structuram Isocraticam. Adde, quod de rebus divinis, quae vix aliis verbis humanis explicari possunt, libenter ac frequenter philosophatur. Basilii suavi quodam et in affectato dictionis fluxu, et pietatem et eruditionem et acumen, sicubi res postulat, et perspicuitatem, et jucunditatem et si quam aliam virtutem in oratore christiano quisquam desiderare possit, complectitur. Chrysostomus Basilii quemadmodum in litteris, sic etiam in professione sincerioris vitae socius, atque (ut ita loquar) Achates, quidquid fere scripsit, ad popularem captum accomodavit, eoque fusior est, ac simplicior, et in locis communibus spatium maluit, quam in difficillimis versari quaestionibus. Nos triumviro uti tulit aetas apud Graecos, pietate paros, nec dispare oratione, sed dictionis caractere dissimiles. Quos si cum nostris conferre velis, Chrysostomus non dissimilis est Augustino, Gregorius Ambrosio, qui si graece scripsisset, plurimum negotii fuisset exhibiturus interpreti. Quem Basilio conferam nondum invenio, nisi si quis Scripturarum cognitionem quam habuit Hieronymus, cum Lactantii felici facilitate copulet. Me certe a vertendo Gregorio semper deterruit dictionis argutia, et rerum sublimitas et allusiones subobscurae. Eam provinciam eximio quodam pietatis ardore sibi sumpsit Bilibaldus noster, cui et immortalis est. Въ другомъ мѣстѣ (*epist. ad Duc. Saxon.*) Эразмъ говоритъ: me a vertendo Gregorio semper deterruit dic-*

вышенность и топкость мыслей и живость рѣчи присоединяетъ указанія на нѣкоторыя слабыя стороны его проповѣдей—темноту языка, нѣкоторую аффектацію внѣшней ученостію, вообще на нѣкоторый школьный риторизмъ словъ Григорія. Начиная съ V вѣка ученые писали комментаріи на его проповѣди, и, по замѣчанію преосв. Филарета, ни на чьи сочиненія не писано такъ много толкованій, какъ на сочиненія Григорія ¹⁾. Кромѣ Руфинава перевода сочиненій Григорія на латинскій, извѣстны древніе переводы его словъ сирійскій, арабскій, армянскій. Позднѣйшая оцѣнка Григорія, какъ проповѣдника, сводится къ слѣдующимъ замѣчаніямъ. Неблагопріятныя тревожныя обстоятельства личной и общецерковной жизни, среди которыхъ Григорій дѣйствовалъ какъ проповѣдникъ, не дали ему возможности сдѣлать ни изъ своего великаго ораторскаго таланта, ни изъ своего превосходнаго образованія всего того употребленія, какого можно было ожидать. Хотя всѣ проповѣди Григорія представляются самымъ тщательнымъ образомъ обработанными, тѣмъ не менѣе въ нихъ перѣдко слышатся съ одной стороны мотивы неудовлетворенности проповѣдника вмѣстѣ съ нѣкоторою болѣзненною раздражительностію, вызываемыя обстоятельствами своей личной жизни и теченіемъ современныхъ церковныхъ дѣлъ, съ другой—нѣкоторыя черты искусственной дѣланности рѣчи, ея риторичности,—въ тѣхъ случаяхъ, когда парализованный чѣмъ либо его ораторскій талантъ бездѣйствовалъ при составленіи проповѣди, а работала лишь одна холодная мысль. По складу своихъ духовныхъ силъ Григорій имѣетъ много родственнаго съ Василиемъ Великимъ, Григоріемъ Нисскимъ и особенно съ Ефремомъ Сиринимъ. Подобно послѣднему онъ былъ не только ораторъ, но и поэтъ, что доказывается множествомъ его стихотвореній; отсюда — присутствіе въ

---

tionis argutia et rerum sublimitas et allusiones subobscurae. Въ *praefatio* къ сочиненіямъ Василия онъ же замѣчаетъ: *argutiarum et externae sapientiae affectatio, dictionisque structura ab Isocratis exemplo non abhorrens nonnihil resipiunt scholam rethoricam.*

¹⁾ Историч. ученіе объ отцахъ церкви, § 103, примѣч. 48. Нѣкоторыя изъ этихъ толкованій на сочин. Григорія помѣщены у Миня, т. XXXVII греческой серіи.

его проповѣди истинно профитійной восторженности и патетизма. Затѣмъ, хотя Григорій какъ психологъ — живописатель душевныхъ состояній и настроеній — не могъ равняться съ Василиемъ, тѣмъ не менѣе и у него много знанія жизни и человѣческаго сердца. Платовски-философская концепція предметовъ теоретическаго христіанскаго ученія, возвышенность, смѣлость и энергія его богословствующей мысли сближаютъ его съ Григоріемъ Нисскимъ. При ~~об~~обилности всѣхъ этихъ качествъ онъ, какъ ораторъ, стоитъ, можетъ быть, выше, чѣмъ который либо изъ трехъ его знаменитыхъ современниковъ; но большею частію эти качества проявляются въ его проповѣдяхъ необъединенными до полной цѣльности, не уравновѣшенными цѣлесообразно; поэтому онъ иногда какъ ораторъ является больше поэтомъ, а какъ поэтъ (въ своихъ стихотвореніяхъ) ораторомъ; какъ богословъ-философъ является иногда діалектикомъ, а когда хочетъ явить себя знатокомъ жизни и людей, оказывается ипохондрически настроеннымъ. Поэтому полное ораторское совершенство можно признать, говорятъ, лишь за отдѣльными, немалочисленными впрочемъ эпизодами его проповѣдей. Въ этихъ эпизодахъ, которые мы отмѣтимъ ниже, его рѣчь полна истинно ораторской силы и жизненности; мысли слѣдуютъ одна за другою въ быстрыхъ и разнообразныхъ остроумныхъ комбинаціяхъ въ рѣчи обильной и плодovitой; сравненія всегда чрезвычайно удачны и жѣтки, чувства проповѣдника дышатъ истинною и глубокою искренностію, живостію, неподдѣльною прелестію. Въ дополненіе къ этому нужно указать въ его лучшихъ проповѣдяхъ на отсутствіе амплификацій, которыхъ по видимому такъ трудно было избѣжать, излагая отвлеченные предметы, которые по самому свойству требовали по видимому перифразовъ и повтореній, чтобы быть вполне понятными массѣ, компактную сжатость выраженія, умѣнье немногими словами сказать многое, вообще языкъ классическій — образцовый, языкъ художника слова, который справедливо сравнивали съ языкомъ Полемона, звучнымъ, какъ олимпійская свирѣль, автобіографическія лирическія изліянія, которыя пріятно разнообразятъ рѣчь и даютъ слушателю отдыхать отъ разсужденій оратора; прививая во вниманіе всѣ эти свойства проповѣдей Григорія, мы легко пой-

мемъ то чарующее сильное дѣйствіе, какое онѣ производили въ свое время на слушателей, и ту настойчивость, съ какою отъ него постоянно требовали проповѣданія, о чемъ много разъ говорить самъ Григорій, называвшій себя „уста не словоохотныя“ ¹⁾. Въ проповѣдяхъ, посвященныхъ теоретическому богословію, въ подобныхъ мѣстахъ видны большой діалектической навыкъ и неоспоримое искусство самые трудные предметы излагать общепонятно и популярно. Слабую сторону его проповѣдей вообще составляютъ не въ мѣру длинные періоды, нагроможденные не всегда остроумными, хотя перѣдко блестящими антитезами, сравненіями, примѣрами; изысканныя прикрасы и чисто декламаторскіе риторическіе приемы рѣчи, неправильныя аллегоріи, рѣзкіе сарказмы, въ которыхъ проповѣдникъ изливаетъ свое оскорбленное чувство по поводу тѣхъ или другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, изысканная эlegantность и такъ сказать щеголеватость фразы, тотъ внѣшній искусственный блескъ, который впоследствии развился въ проповѣди въ выдающійся недостатокъ, котораго самъ Григорій теоретически не одобрялъ, невольно поддаваясь особеннымъ свойствамъ своей ораторской натуры и вліянію риторическихъ школъ, въ которыхъ получилъ образованіе. Но, какъ видно изъ сказаннаго, самые эти недостатки, на которые указываютъ критики, были скорѣе излишкомъ достоинства, нежели настоящими недостатками.

II.

Всѣхъ проповѣдей Григорія извѣстно въ настоящее время до пятидесяти пяти, не считая здѣсь относимыхъ въ старыхъ изданіяхъ твореній Григорія къ проповѣдямъ его догматическихъ посланій къ Евагрію, Нектарію Константинопольскому и къ Кледонію. Но конечно нельзя и думать, чтобы на прострaнствѣ двадцати слишкомъ лѣтъ (361—383 г.) этими одними словами и ограничивалась въ проповѣдническая дѣятельность этого великаго учителя, любившаго искусство слова и особенно одареннаго этимъ искусствомъ. Несомнѣнно подлинными проповѣдями Григорія всѣми признаются издавна сорокъ пять, въ первые въ полномъ составѣ

¹⁾ Твор. Григ. въ русск. изд. I, 217.

изданные Биллемъ (1609 г.). Почти для всѣхъ ихъ извѣстно время ихъ произнесенія; поэтому мы сдѣлаемъ здѣсь ихъ обзоръ въ этомъ хронологическомъ порядкѣ, по которому они дѣлятся на четыре группы: 1) слова, произнесенныя въ бытность его пресвитеромъ, 2) сказанныя въ бытность Григорія епископомъ, до прибытія въ Константинополь. 3) проповѣди константинопольскія и 4) три слова, сказанныя послѣ удаленія изъ столицы. Къ первымъ принадлежатъ: 1) первенцы его краснорѣчія, три слова, имѣющія непосредственное отношеніе къ посвященію его въ пресвитеры назіанской церкви. Избранный въ этотъ санъ противъ желанія, Григорій удалился было въ уединеніе Василія въ Понтъ, но не много спустя, въ Пасху, возвратился и произнесъ первое свое слово „на Пасху и о своемъ замедленіи“. „Воскресенія день — благоприятное начало“ — начало пастырскаго служенія Григорія и начало его проповѣднической дѣятельности. „Уступимъ все воскресенію, простимъ другъ друга; и я, подвергшійся добродушному принужденію, и вы, употребившіе доброе принужденіе, хотя и сѣтуете на меня за умедленіе. Можетъ быть предъ Богомъ оно лучше и драгоценнѣе, чѣмъ иная послѣдствіе. Хорошо и уклоняться нѣсколько отъ призванія Божія, какъ въ древности поступили Моисей и Іеремія, хорошо и послѣдовать на гласъ зовущаго, какъ Ааронъ и Исаія, только бы то и другое было по благочестію, одно по сознанію неволи своей, — другое по надеждѣ на силу Зовущаго“. Въ дальнѣйшемъ содержаніи этого слова, сказаннаго повидимому безъ приготовленія ¹⁾, хорошо изображеніе того дара, который христіане должны принести Воскресшему: онъ состоитъ въ томъ, чтобы принести Ему самихъ себя, воздать Образу сотворенное по Образу, познать свое достоинство и тѣмъ почтить Первообразъ. „Уподобимся Христу, ибо и Христосъ уподобился намъ, сдѣлаемъ богами ради Его, ибо и Онъ сталъ человѣкомъ ради насъ. Онъ воспріялъ худшее, чтобы дать лучшее, обнищалъ, чтобы намъ обогатиться, принялъ зракъ раба, чтобы намъ воспріять свободу, снзшелъ, чтобы намъ вознестись, претерпѣлъ безславіе, чтобы насъ прославить“... Изъ двухъ послѣдующихъ словъ въ одномъ пропо-

¹⁾ Migne, v. gr. t. XXXV col. 394.

вѣдникъ оправдываетъ свое удаленіе въ Понтъ и свое возвращеніе и излагаетъ то ученіе о священствѣ (пресвитерствѣ и епископствѣ), которое сдѣлалось классическимъ въ догматикѣ, составляетъ одинъ изъ первоисточниковъ науки пастырскаго богословія и прототицъ однородныхъ по предмету произведеній Златоуста и Григорія Двоеслова. Въ другомъ — „къ призваннѣ въ началѣ, но не срътившииъ“ онъ укоряетъ за недостатокъ вниманія къ нему со стороны цаствы назіанской, такъ бурно его избравшей, объясняя это обычнымъ психическимъ закономъ, по которому предметъ, къ которому человекъ стремится, дорогъ для него лишь дотолѣ, пока не достигнутъ, и какъ скоро достигается, легко теряетъ свою цѣну. Ученые спорять ¹⁾ относительно того, въ какомъ порядкѣ эти три слова произнесены, — которое раньше, которое позже. Во всякомъ случаѣ всѣ три слова произнесены въ 362 году, при чемъ классическое слово о томъ, „что такое священство и каковъ долженъ быть епископъ“, послѣ произнесенія было подвергнуто, очевидно, авторомъ новой литературной переработкѣ, въ виду важности его содержанія, почему въ сравненіи съ остальными двумя представляетъ большую степень достоинства не только по обилію и важности мыслей, но и по ихъ классически-художественному выраженію.

За этими первенцами его краспорѣчія слѣдуютъ два слова на Юліана, сказанныя въ годъ его смерти (363 г.). Хотя авторъ въ приступѣ перваго слова (I, 85) ²⁾ и замѣчаетъ, что онъ будетъ говорить „не по подражанію мерзкимъ рѣчамъ и суесловію“, т. е. не по правиламъ языческаго ораторства, что „вся сила и ученость вѣка сего во тьмѣ ходитъ и далека отъ свѣта истинны“, тьмѣ не менѣе справедливость требуетъ сказать, что въ этихъ словахъ болѣе, чѣмъ въ другихъ, болѣе, чѣмъ вообще во всѣхъ твореніяхъ Григорія отражается вліяніе на него ораторства классическаго. Здѣсь Григорій *panegyrico modo, modo judiciali, tum deliberativo dicendi genere, procedit*, какъ замѣчено еще древними, — т. е. это не что иное, какъ настоящія обвинительныя

¹⁾ Migne, XXXV, col. 515.

²⁾ Эти цифры въ текстѣ указываютъ здѣсь и въ послѣдующемъ изложеніи первая — томъ, вторая — страницу русскаго изданія твореній Григорія.

(στυλιθευτικοί), судебныя рѣчи, составляющія, какъ иронически выражается самъ Григорій, „памятникъ Юліану выше и славнѣе столповъ Иракловыхъ“, воздвигнутый великимъ защитникомъ Церкви Христовой въ противовѣсь, какъ это видно изъ самыхъ словъ, панегирикамъ Юліану, составленнымъ около того же времени Ливаніемъ, Евнапіемъ, Каллистомъ, Зосимою и другими языческими ораторами. Несправедливо ставить въ вину Григорію, какъ дѣлали иногда, страстность и запальчивость этихъ обвинительныхъ рѣчей. Григорій здѣсь не обнаруживаетъ христіанской кротости, но его рѣзкіе отзывы и порицанія становятся совершенно понятны, если принять въ соображеніе, что въ это время весь христіанскій міръ былъ полонъ ужаса, возбужденнаго преслѣдованіями Юліана: естественно было въ рѣчахъ христіанскаго оратора сказаться общему чувству негодованія. Во время борьбы на жизнь и смерть между христіанствомъ и язычествомъ, какая предпринята была Юліаномъ, невозможно было ожидать хладнокровной оцѣнки язычества со стороны христіанскихъ учителей.

Первое слово обозрѣваетъ фактъ за фактомъ всю жизнь Юліана, въ особенности его мѣропріятія противъ христіанства; второе излагаетъ обстоятельства его смерти и общую оцѣнку его личности и дѣяній. Не смотря на такой характеръ этихъ словъ и на то, что оны не были произнесены (что видно уже изъ самаго ихъ объема), оба слова составляютъ памятники ораторства церковнаго, такъ какъ возвышенная христіанская нравственная тенденція проникаетъ ихъ отъ начала до конца и объясненіе событій изъ жизни Юліана постоянно обставлено частными мыслями, относящимися къ области христіанскаго правоученія.

Почти одновременно съ этими словами произнесено Григоріемъ первое слово „о мирѣ“, по поводу воссоединенія съ епископомъ назіанскимъ, отцомъ св. Григорія, монаховъ, отдѣлившихся было отъ него по причинѣ подписанія старцемъ полуаріанскаго символа. Горячее желаніе этого воссоединенія Григорій высказывалъ еще въ словѣ на Юліана (I, 90); теперь, когда это желаніе его исполнилось, проповѣдникъ привѣтствуетъ его, какъ благо церкви. Послѣ вступленія, въ которомъ проповѣдникъ похваляетъ назіанское мо-

нашество и говорить о значеніи учительнаго слова въ христіанствѣ вообще и въ частности—для его самого лично, онъ произноситъ „благодареніе“ Богу за состоявшееся воссоединеніе отдѣлившихся и предлагаетъ „увѣщаніе“ къ всегдашнему миру въ церкви. Говоря объ отдѣлившихся отъ единства церкви въ Назіанзѣ, избравшихъ для себя пастырей независимо отъ мѣстнаго епископа, и о томъ, что при воссоединеніи эти пастыри были приняты съ любовію, какъ поставленные ради благочестія и въ пособіе страждущему православію, ибо хотя они и возмущались за отеческое наслѣдіе, но возмущались братски, а не злонамѣренно, проповѣдникъ замѣчаетъ: „вражду ихъ мы не похвалили, но ревность одобрили, ибо несогласіе за благочестіе гораздо лучше согласія по какой-либо страсти. Такимъ образомъ самую потерю мы обратили въ пріобрѣтеніе, покрывъ любовію умышенное противъ насъ и въ тожъ одномъ измѣнивъ порядокъ, что не благодать послѣдовала за избраніемъ, а избраніе за благодатию“. Ученіе о мирѣ изложено въ краткихъ чертахъ, но сильно и полно. Необходимость его доказывается во первыхъ обязательностію для людей подражать Богу и „существомъ божественнымъ“. Затѣмъ—съ прекращеніемъ мира и міръ перестаетъ быть міромъ. Миромъ поддерживаются, а отъ несогласія приходятъ въ разстройство города, царства, войска, дома, супружества, дружескіе союзы. Но не всякимъ миромъ надобно дорожить. Есть прекрасное разногласіе и самое пагубное единомысліе; должно любить добрый миръ, имѣющій добрую цѣль и соединяющій съ Богомъ. Не хорошо быть и слишкомъ вялымъ, и слишкомъ горячимъ, но мягкости права со всѣми соглашаться и—изъ упорства со всѣми разногласить. Когда идетъ дѣло о явномъ нечестіи, тогда должно лучше идти на мечъ и огонь, не смотрѣть на требованіе времени и властителей и вообще на все, нежели пріобщаться лукаваго кваса и прилагаться къ зараженнымъ. Всего хуже бояться чего-либо болѣе, чѣмъ Бога и по сей боязни служителю истины стать предателемъ ученія вѣры и истины. Но когда огорчаемся *по подозрѣнію* и боимся, *не истиннодоавши дѣла*, тогда терпѣніе предпочтительнѣе поспѣшности и снисходительность лучше настойчивости. Лучше и полезнѣе, не

отлагаясь отъ общаго тѣла, какъ членамъ онаго, исправлять другъ друга и самимъ исправляться, нежели, прежде времени осудивъ на отлученіе и тѣмъ разрушивъ довѣренность, потомъ повелительно требовать исправленія, какъ свойственно властелинамъ, а не братьямъ“. Послѣ словъ: „противъ Юліана“ и „о мирѣ“, въ исторіи проповѣднической дѣятельности Григорія существуетъ пробѣлъ на цѣлыхъ шесть лѣтъ (363—369). Судя потому, что, по словамъ самаго Григорія въ надгробномъ словѣ младшему брату своему Кесарію (369 г.), этотъ послѣдній жаловался на то, что онъ скрываетъ даръ слова, что этотъ даръ „открылъ на немъ“, т. е. по случаю его смерти, — что эти слова Григорій называетъ начатками своихъ рѣчей (I, 257), можно думать, что въ этотъ шестилѣтній періодъ св. Григорій или вовсе не говорилъ проповѣдей, или говорилъ очень мало. Подобнымъ образомъ въ „словѣ на рукоположеніе во епископа“ (I, 292) Григорій говоритъ, обращаясь къ Василію: „вотъ тебѣ сверхъ прочаго и слово, котораго ты домогался, и которое хвала, осыпалъ меня *космьющаяю* въ безмолвіи частыми и густыми снѣгами словъ своихъ...“. Въ словѣ „защитительномъ по возвращеніи“ подобнымъ образомъ проповѣдникъ говоритъ: „разрѣшено тобою (отцемъ Григорія, черезъ посвященіе во епископа) *мое молчаніе, на которое ты жаловался*“ (I, стр. 297) и еще: „*досель не удѣлялъ я словъ моимъ даже друзьямъ и братьямъ*“ (—стр. 295). Къ 369 году относятся надгробныя слова младшему брату его Кесарію и сестрѣ Горгоніи. Въ первомъ изъ нихъ послѣ приступа, въ которомъ проповѣдникъ опредѣляетъ характеръ своей рѣчи и намѣчаетъ ея содержаніе, онъ сначала говоритъ о родителяхъ почившаго не для того, чтобы восхвалять ихъ, а для того, чтобы изъ ихъ свойствъ объяснить отчасти добродѣтели Кесарія, затѣмъ рассказываетъ исторію образованія Кесарія и его служебную карьеру. Тогда какъ самъ Григорій возжелалъ „быть лучше послѣднимъ“ у Бога, нежели первымъ у царя земнаго, Кесарій, получившій самое лучшее образованіе въ наукахъ мірскихъ, главнымъ образомъ естественныхъ, сначала былъ врачомъ въ Византіи, а потомъ ваятъ въ число приближенныхъ къ государю въ качествѣ перваго врача, а потомъ казначеителя. Вторая

часть слова содержитъ съ себѣ „врачевство слова скорбящимъ“ — общія разсужденія о суетности земной жизни (лучшее мѣсто въ словѣ) и о назначеніи человѣка-христіанина для жизни небесной. Преимущества умершаго Кесарія по смерти состоятъ въ томъ, что онъ не будетъ начальствовать, но и у другихъ не будетъ подъ начальствомъ; не станетъ въ иныхъ вселять страхъ, но и самъ не убоятся жестокаго властелина, иногда недостойнаго начальствовать; не станетъ собирать богатства, но не устрашится и зависти, не повредитъ души несправедливымъ стяжаніемъ, не сложитъ новыхъ рѣчей, но за рѣчи же (прежнія) будетъ въ удивленіи; не будетъ разсуждать объ ученіи Иннократа, Галена и др., но не станетъ и страдать отъ болѣзней, отъ чужихъ бѣдъ сообщая себѣ скорби; не будетъ доказывать положеній Евклида, но не станетъ и сѣтовать о надѣвающихся невѣждахъ. „Но что, конечно, всякому дорого и возжелѣнно, у него не будетъ ни жены, ни дѣтей: ни самъ не будетъ ихъ оплакивать, ни ими не будетъ оплакиваемъ; не останется послѣ другихъ и для другихъ памятникомъ несчастія“. Затѣмъ проповѣдникъ излагаетъ символическое ученіе Церкви о состояніи умершихъ по смерти. Проповѣдникъ „готовъ почти благодарить постигшую его горестъ, расположившую его“ къ разсужденію о столь возвышенномъ и важномъ предметѣ, и заканчиваетъ слово молитвою къ Владыкѣ всяческихъ о Кесаріи, „который хотя былъ послѣдній въ семействѣ, но первымъ преданъ судьбамъ Божиимъ, которыми все держится“. Надгробное слово Горгонія, умершей мнѣ, чѣмъ черезъ годъ послѣ Кесарія, начинается остроумными доказательствами права и обязанности превозносить и хвалить свое, если оно дѣйствительно достохвально. „Хвала сестру, буду превозносить свое собственное. Но отсюда не слѣдуетъ, что такая похвала будетъ ложью. Похвально то, что истинно, а истинно то, что справедливо и общеизвѣстно. Мнѣ нельзя говорить по пристрастію, хотя бы и захотѣлъ; моимъ судіею будетъ слушатель, который умѣетъ сличить слово съ истинною, и какъ не одобрить похвалъ незаслуженныхъ, такъ потребуетъ заслуженныхъ. Боюсь не того, что скажу нѣчто сверхъ истины, а—что не выскажу истины. Не надобно хвалить всего чужого, если оно несправедливо, но не

должно унижать и своего, если оно достойно уваженія, дабы первому не послужило въ пользу то самое, что оно чужое, а послѣднему во вредъ то, что оно свое. Затѣмъ проповѣдникъ высказываетъ свой взглядъ на панегерики вообще, къ которымъ относятся нѣсколько снисходительнѣе, чѣмъ Василій, замѣчая, что если бы кто по правиламъ похвальныхъ словъ сталъ бы хвалить отечество и родъ почившей, то онъ можетъ сказать много прекраснаго, если захочетъ украшать ее и отвѣтъ, какъ дорогую прекрасную картину убираютъ золотомъ, камнями и вообще такими украшеніями, которыя дурную картину болѣе обнаруживаютъ, а прекрасной, будучи ея ниже, не придаютъ красоты. У насъ же, замѣчаетъ проповѣдникъ, цѣль всякаго слова и дѣла вести къ совершенству другихъ чрезъ возбужденіе соревнованія и подражанія добродѣтелямъ умершей. Сказавши затѣмъ нѣсколько словъ о ея и своихъ родителяхъ проповѣдникъ хвалитъ Горгонію за ея семейныя добродѣтели.

«Въ жизни извѣстны два состоянія—супружество и дѣвство; одно выше и богоподобнѣе, но труднѣе и опаснѣе, другое ниже, но безопаснѣе. Устрашившись невыгодъ того и другого, она избрала и соединила во едино все, что въ обоихъ лучшаго — высоту дѣвства и безопасность супружества. Она была цѣломудренною безъ надменія съ супружествомъ совмѣстивши добродѣтели дѣвства и показавши, что ни дѣвство, ни супружество не соединяютъ и не раздѣляютъ насъ всецѣло съ Богомъ или съ міромъ. Она не отлучилась отъ Духа отъ того, что сочеталась плотию, и забыла о первой главѣ отъ того, что признала главою мужа, послуживъ міру и природѣ въ немногемъ и сколько требовалъ законъ плоти, или, лучше, Тотъ, кто далъ такой законъ плоти, она всецѣло посвятила себя Богу и мужа своего склонила на свою сторону, самый плодъ тѣла — дѣтей и внуковъ своихъ содѣлала плодомъ духа... «Ее украшали не золото, отдѣланное искусною рукою до преизбытка красоты, не златовидные волосы, блестящіе и свѣтащіяся, не кудри, вьющіеся кольцами, не безчестныя ухищренія, изъ честной главы дѣлающія родъ шатра, не многоцѣнность пышной и прозрачной одежды, не блескъ и пріятность драгоценныхъ камней, которые окрашиваютъ собою ближній воздухъ и озаряютъ лица, не хитрости и обаянія живописцевъ, не покупная красота, не рука земнаго художника, которая выставляетъ на показъ похотливымъ очамъ вумиръ блудницы, чтобы поддѣльною красотою закрыть естественный ликъ. хранимый для Бога и будущаго вѣка... Одинъ румянецъ ей нравился—румянцъ стыдливости, и одна

близна, происходившая отъ воздержанія, а притиранія и подкрашиванія, искусство дѣлать изъ себя живую картину, удобно смываемое благообразіе она предоставила женщинамъ, опредѣлившимъ себя для зрѣлищъ и распутій, для которыхъ стыдно и позорно краснѣть отъ стыда... Въ упованіи на свою благотворительность, она не предала тѣла своего роскоши и необузданному сластолюбію, сему злему и терзающему псу, какъ случается со многими, которые милосердіемъ къ бѣднымъ думаютъ купить себѣ право на роскошную жизнь».

Затѣмъ проповѣдникъ описываетъ ея благочестивый образъ жизни, ея естество жены, въ общемъ подвигъ спасенія побѣдившее естество мужей и показавшее, что *жена отлична отъ мужа не по душѣ, а только по тѣлу*. Вообще панегирики Григорія, какъ и Василіевы, представляютъ не столько похвалу умершимъ, сколько уроки живымъ.

III.

Рядъ епископскихъ проповѣдей Григорія начинается тремя словами, сказанными по поводу посвященія его въ епископа сасимскаго, въ Назіанзѣ, въ срединѣ 372 г., именно словомъ при самомъ посвященіи, когда, какъ узникъ о Христвъ, „связанный не желѣзными веригами, а неразрѣшимыми узами духа“. онъ возвратился въ Назіанзъ послѣ кратковременнаго удаленія. Третье изъ этихъ словъ Григорій говорилъ Григорію Нисскому, котораго Василій прислалъ утѣшить скорбящаго новопосвященнаго епископа. Содержаніе всѣхъ трехъ совершенно однородно, представляя изображеніе трудностей епископскаго служенія вообще и въ частности трудностей епископства сасимскаго. Всѣ три слова весьма кратки по объему, представляя, повидимому, плодъ импровизаціи, но дышатъ силою одушевленія и содержатъ не мало прекрасныхъ частныхъ мыслей. Въ словѣ на посвященіе проповѣдникъ такими чертами характеризуетъ Василія, какъ епископа:

«Научи меня своей любви къ паствѣ, своей заботливости о ней и вмѣстѣ благоразумію, внимательности, неусыпности, покорности плоти твоей, съ какою она уступила духу, при кротости строгому обращенію, при производствѣ дѣлъ веселости и спокойствію, своимъ ратованіямъ за паству и побѣдамъ, которыя одержалъ ты о Христвъ. Слажи, на какия

пажити водить стадо, къ каинъ ходить источникамъ, или каинъ избѣгать пажитей и водъ; кого пасти палицею, кого свирѣлю, когда выводить на пастбища и когда сзывать съ пастбищъ, какъ вести брань съ волками и не вести брани съ пастырями, особливо въ нынѣшнее время какъ изнемогшее поднять, падшее возставить, заблуждающее обратить, погнѣнное взыскать и крѣпкое сохранить, — чтобы не стать худымъ пастыремъ, который млеко ѣсть, волною одѣвается, тучное закаляетъ или продаетъ, а прочее оставляетъ звѣрямъ и стремнинамъ, и самого себя пасеть, а не овецъ».

Въ словѣ, сказанномъ Григорію Нисскому заслуживаетъ вниманія параллель двухъ братьевъ-епископовъ Василя и Григорія съ Моисеемъ и Аарономъ (I, 300). Послѣ того, какъ Григорій, отказавшись управлять церковію сасимскою, возвратился изъ уединенія къ отцу, который сдѣлалъ его своимъ помощникомъ, онъ сказалъ въ церкви слово, въ которомъ между прочимъ говорилъ:

«Мнѣ сдѣлано принужденіе, друзья и братья, сдѣлано старостию отца и благосклонностию друга. Помогите мнѣ, подайте руку угнетенному и увлекаемому то собственнымъ желаніемъ, то Духомъ! Одно предлагаетъ мнѣ бѣгство, горы и пустыни, безмолвіе душевное и тѣлесное. А Духъ требуетъ, чтобы я выступилъ на среду, принесъ плодъ обществу, искалъ для себя пользы въ пользѣ другихъ, распространялъ просвѣщеніе, приводилъ къ Богу люди избранны»... «Полезнѣе и безопаснѣе начальствовать желающимъ и надъ желающими. Да и по закону нашему должно водить не насильно и не нуждею, но волею. И другое начальство не можетъ утвердиться принужденіемъ; управляемое съ насиліемъ при всякомъ случаѣ старается освободиться: тѣмъ паче наше не столько начальство, сколько дѣтovoженіе всего болѣе соблюдаетъ свободу. Ибо тайна спасенія для желающихъ, а не для насильствуемыхъ. Да превозможетъ то, что для васъ и для меня будетъ полезно, и дѣлами нашими да управитъ Духъ» (I, 312).

Въ словѣ на рукоположеніе Еввалія въ епископа доарскаго прекрасны замѣчанія, что „благодарить богато ничто не препятствуетъ и малымъ“, и что „ничто великое не бываетъ безъ искушенія и испытанія, ибо по естественному порядку маловажное сопровождается удобствомъ, а высокое — трудностию“ (I, 314, 316).

Неизвѣстенъ съ точностию годъ произнесенія Григоріемъ въ Василадѣ — госпиталѣ, устроенномъ Василемъ близъ Кесаріи — одного изъ лучшихъ словъ его „о любви къ бѣднымъ (приблиз-

тельно около 373 г.). „Братія и соучастники бѣдности—ибо всѣ мы бѣдны и имѣемъ нужду въ благодати Божіей—примите слово о любви къ бѣднымъ не съ бѣднымъ, но съ щедролюбивымъ расположеніемъ духа, да наслѣдуете богатство царствія. А выѣсть помолитесь, чтобы и я могъ предложить вамъ богатое слово, могъ наиптать ваши души и раздробить алчущимъ хлѣбъ духовный, или подобно древнему Моисею низводя, какъ дождь, пищу съ неба и подавая хлѣбъ ангельскій, или насыщая немногими хлѣбами въ пустынь многія тысячи, какъ послѣ Іисусъ, истинный хлѣбъ и истинной жизни виновникъ“. Таково начало проповѣди, которое можно разсматривать, какъ истинный образчикъ ораторскаго остроумія Григорія. „Всѣ добродѣтели прекрасны, говорится далѣе; но всѣхъ выше и лучше—любовь къ бѣднымъ, состраданіе къ тѣмъ, кто одного съ нами рода. Праведный Мздовоздаятель ни за что такъ не награждаетъ своимъ чловѣколюбіемъ, какъ за чловѣколюбіе. Мы должны являть милосердіе всѣмъ бѣднымъ и по какой бы то ни было причинѣ страждущимъ; должны, какъ люди, всѣмъ людямъ благотворить, какая бы ни заставляла ихъ нужда искать помощи, вдовство ли, или сиротство, изгнаніе изъ отечества или жестокость властителей, наглость начальствующихъ или безчеловѣчіе собирателей податей, убійственная рука разбойниковъ или алчность воровъ, опись имѣнія или кораблекрушеніе“. Превосходно изображеніе вѣшняго и внутренняго состоянія прокаженнаго, его безпомощности, непостоянства земнаго счастья, жестокосердія богачей (II, 1—30). Изображеніе излишествъ и роскоши богача въ параллель съ нуждами бѣдняка по силѣ обличенія и полнотѣ, и вообще по степенямъ достоинства, совершенно однородно и одинаково съ подобными же изображениями Василія. „Для бѣдныхъ много значить утолить жажду и водою; а у насъ льбится въ чашахъ вино: пей до упоенія!.. Да еще одно вино отошлемъ назадъ, другое похвалимъ за его запахъ и цвѣтъ, о третьемъ начнемъ съ важностію разсуждать, и бѣда, если кромѣ своего отечественнаго не будетъ еще иностраннаго вина, какъ иноземнаго завоевателя! Ибо намъ непремѣнно должно вести жизнь роскошную и превышающую нужды или по крайней мѣрѣ славиться такою

живи; какъ будто стыдно, если не будутъ почитать насъ порочными людьми и рабами чрева и того, что хуже чрева!" Подобныя бытовыхъ чертъ не мало въ обширномъ словѣ о любви.

Еще слово на память мучениковъ Маккавеевъ, пропнесѣнное, какъ думаютъ, въ Кесаріи въ 373 г., одно изъ краснорѣчивѣйшихъ произведеній Григорія, въ которомъ онъ истощилъ все средства своего ораторскаго таланта и образованія. Оно отличается болѣе дружелюбною заботливостію въ смыслѣ хорошаго подражанія лучшимъ образцамъ древности и его не безъ основанія сравниваютъ съ рѣчью Дириаса надъ убитыми коринскими воинами. Одну изъ особенностей этой проповѣди составляетъ вполне удачно примѣненная драматическая фигура просопопеи, въ видѣ ряда рѣчей матери и сыновей въ канюху. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ частностяхъ анализа, слово это представляетъ близкое сходство съ словомъ Василия В. на память 40 мучениковъ, хотя вообще должно быть поставлено выше его. Въ половинѣ 373 года, въ присутствіи отца, сказано Григоріемъ также одно изъ лучшихъ его словъ — слово „о трагедіи“, въ которомъ проповѣдникъ рѣшаетъ вопросъ: „откуда происходятъ въ мірѣ несчастія“, — который нѣсколько шире ставитъ и глубже изслѣдуетъ Василій въ словѣ „о томъ, что Богъ неослабѣе виновникъ зла“. Не углубляясь въ философское разсмотрѣніе предмета, Григорій рѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что всѣ бѣдствія суть непосредственныя дѣйствія Промысла Божія, дѣйствія любви Божіей къ людямъ, то наказующей, то испытующей насъ. Та же точка зрѣнія на міровыя и общественныя бѣдствія развивается и у Ефрема Сирина въ словахъ о землетрясеніи и „о томъ, почему не слѣдуетъ обольщаться еллинскими мѣнѣями“, что доказываетъ знакомство Ефрема съ твореніями Василия и Григорія и позволую солидарность съ ними во взглядахъ на вещи. Ефремъ въ своихъ словахъ лишь усиливаетъ полемическую тенденцію Василия и Григорія и излагаетъ предметъ въ болѣе элементарной формѣ. См. нашу статью: Ефремъ Сиринъ, какъ проповѣдникъ, въ предыдущей книгѣ „Хр. Чт.“. Въ томъ же 373 г., въ концѣ, сказано Григоріемъ „слово встревоженнымъ жителямъ Назианза и прогнѣванному начальнику города“. Въ первой части

его проповѣдникъ держитъ рѣчь къ назіанзянамъ, во второй къ властямъ, особенно къ префекту. Въ чемъ состояло преступленіе назіанзянъ, которое заставляло ихъ ждать возмездія и вызвало заступничество за нихъ епископа, изъ слова не видно ясно. Гражданинъ Назіанза, „пришедшихъ въ глубину золь, обдержимыхъ скорбію“, проповѣдникъ убѣждаетъ обращать взоръ свой горь, граждать себя благою надеждою, въ радости не терять страха, въ скорбяхъ—упованія, помнить при ясномъ небѣ о возможной бурѣ и во время бури — о кормчехъ, не быть злыми рабами, которые исповѣдуютъ Владыку, когда Онъ благосотворитъ имъ, и не обращаются къ Нему, когда наказываетъ, между тѣмъ какъ иногда болѣзнь лучше здоровья, терпѣніе—отрады, наказаніе—прощенія. Не слѣдуетъ падать духомъ отъ бѣдствій, ни надмѣваться отъ довольства.

«Покоримся Богу, другъ другу и начальствующимъ на землѣ: Богу по всѣмъ причинамъ, другъ другу—для братолюбія, начальствующимъ для благоустройства, и тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ болѣе они кротки и снисходительны. Опасно истощать милосердіе начальниковъ, надѣясь на частое прощеніе; ибо истощивъ за ихъ строгость подвергнемся ответственности мы сами, какъ нарушающіе тишину вѣтромъ, наводящіе на свѣтъ мракъ и къ меду примѣшивающіе полынь». «И между нашими законами есть одинъ, постановленный Духомъ, по которому какъ рабы должны быть послушны господамъ, жены—мужьямъ, церковь—Господу, ученики—пастырямъ и учителямъ: такъ и всѣ, обязанные давать дань—повиноваться властямъ не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть, и не дѣлать закона ненавистнымъ, не доводить себя до меча, но, очищаясь страхомъ, заслуживать похвалу отъ власти... Не исполняя своихъ обязанностей и между тѣмъ негодуя на власть, мы поступаемъ такъ же, какъ и тотъ, кто, самъ погрѣшая противъ правилъ палестры, обвиняетъ раздающій награды въ ней—въ несправедливости...» «Вотъ утѣшеніе и наставленіе для подчиненныхъ! Симъ убогій пастырь возвращаетъ на истинный путь малое стадо».

г.

Затѣмъ проповѣдникъ обращаетъ слово и къ начальникамъ.

«Для того, чтобы вы не почли насъ совершенно несправедливыми, если, убѣждая подчиненныхъ къ исполненію долга, уступимъ вашему могуществу, какъ бы стыдись или страшась пользоваться нашею свободою, если будемъ больше заботиться о нихъ, а вознерадимъ о васъ, о которыхъ тѣмъ болѣе надобно позаботиться, чѣмъ полезнѣе для той и дру-

гой стороны, чѣмъ важнѣе успѣхъ. А противнаго ему да не будетъ съ нами и нашимъ словомъ... Итакъ, на чемъ намъ помириться? Приметели дерзновенное слово мое, ибо законъ Христовъ подчиняетъ васъ моеѣ власти? И мы имѣеть власть—большую и совершеннѣйшую, иначе духъ долженъ уступить плоти, и небесное—земному».

Префектъ Назіанза, по изображенію Григорія, былъ хорошій христіанинъ, который

«со Христомъ начальствовалъ» (Χριστῷ συνάρχων), «лучшій изъ начальниковъ», любившій особенно слова Григорія. Проповѣдникъ убѣждаетъ его въ страху присоединить кротость, растворить угрозу надеждою, показать милость виновнымъ. «Христовъ далъ тебѣ мечъ не дѣйствовать, а лишь угрожать». Въ человѣкѣ всего болѣе божественно то, что онъ можетъ благотворить. Ты можешь стать богомъ, ничего не сдѣлавъ (τοῦτο ἔχεις μάλιχα θεῖον ἄνθρωπος, τὸ εἶ ποιεῖν; ἔχεις σοι Θεὸν γενέσθαι μηδὲν ποιήσαντι, μὴ πρόη τον χαίρον τῆς θεώσεως). Ничто да не убѣждаетъ тебя быть недостойнымъ власти, ничто да не отклоняетъ тебя отъ милосердія и кротости, ни обстоятельства, ни страхъ, ни властитель, ни опасеніе высшихъ начальниковъ. Старайся приобрѣсти благоволеніе свыше. Дай взаимъ Богу милосердіе» и т. д. (II, 97).

Въ 374 году скончался (въ мартѣ или апрѣлѣ) отецъ Григорія, почти столѣтній старецъ. Св. Григорій не просто любившій своего отца, но благоговѣвшій предъ нимъ, что постоянно выражается въ его проповѣдяхъ, сказалъ ему похвальное слово, въ которомъ сначала обращаетъ рѣчь къ присутствовавшему при этомъ Василию Великому, приглашая его изъ жизни почившаго извлечь назидательные уроки, потомъ подробно излагаетъ обстоятельства жизни отца и черты его характера. Лучшія мѣста въ проповѣди—заключительное обращеніе къ отцу, исполненное трогательной пѣжности, и задушевное утѣшеніе старицѣ-матери.

Вскорѣ послѣ смерти отца Григорія, жители Назіанза подверглись налогамъ, особенно обременительнымъ для низшихъ классовъ, которые собиралъ товарищъ Григорія по школѣ инокъ Юліанъ. Григорій, еще не оправившійся отъ тяжелой потери въ смерти отца, тѣмъ не менѣе усердно и нисымами, и въ словѣ, сказанномъ въ церкви, ходатайствуетъ объ облегченіи участи роднаго города. Въ словѣ онъ съ высокими одушевленіемъ развиваетъ

подробно христіанскій взглядъ на задачи жизни, на взаимныя права и обязанности людей (II, 149—155; см. 122, 263).

«Не судите судей, не предписывайте закона законодателямъ. Да не замышляетъ стать головою, кто съ трудомъ служитъ рукою или ногою; да не нарушается законъ подчиненія, которымъ держится и земное, и небесное, чтобы чрезъ многоначаліе не дойти до безначалія». Градоправители воздадите Кесарева Кесареви, и Божіе Богови, ему же дань, а ему же страхъ,—когда говорю «страхъ», запрещаю любостязаніе. Будемъ праведный судъ судить, изьемъ нища и убога, помилуемъ вдовицу и сироту; не презримъ просящаго у насъ крохъ со стола; не будемъ предаваться забавамъ, когда другіе злостраждутъ, не погнушаемся подобнымъ себѣ рабомъ; будемъ подражать Владыкѣ, который велитъ восходить солнцу на добрыхъ и злыхъ и всѣхъ одинаково питаетъ дождемъ; не дозволимъ себѣ обогащаться нищею другихъ; не смѣшаемъ богатства своего съ чужими слезами, отъ которыхъ оно, какъ отъ моли и ржавчины, пропадетъ... А ты, составитель переписи, переписывай насъ правдиво, веди не перепись моихъ словъ, но святую и челоуѣколюбивую перепись моего народа, уваживъ, если не что другое, то самое время, ибо Спаситель родился во время переписи... Богъ всегда входитъ въ важнѣйшія распоряженія правительствъ. Довольно для свободныхъ рабства, довольно того различія, что созданные изъ одной персти, кто властвуетъ, а кто состоитъ подъ властію, кто налагаетъ подати—а кто платять ихъ; кто можетъ дѣлать неправду и зло, а кто молится, чтобы не потерѣть зла... Будетъ и другая перепись, другой составитель переписи, если ты слышалъ о книгѣ живыхъ и о книгѣ не спасаемыхъ... Малъ и великъ тамо есть, рабъ купно съ господиномъ, царь съ подвластнымъ. Какъ сами пишемъ, такъ и будемъ написаны.

IV.

Неизвѣстно съ точностію, когда произнесено Григоріемъ слово „о поставленіи епископовъ и о догматѣ св. Троицы“; но судя по тому, что проповѣдь посвящена спеціально догматико-полемическому разсужденію о Троицѣ и въ частности о Богѣ-Словѣ, оно произнесено Григоріемъ въ Константинополь въ 379 г., когда онъ былъ условно запятъ проповѣдію именно догматико-полемическою,—произнесено въ началѣ его проповѣднической дѣятельности, какъ первое profession de foi—первый опытъ исповѣданія своей вѣры—предъ вѣрующими Константинополя. Пресв. Филаретъ, впрочемъ, на основаніи над-

писи надъ этою проповѣдію въ одной изъ рукописей Норова „*προ; το καταπλοῦν* — на приплытіе“ думаетъ, что оно произнесено послѣ слова „къ прибышимъ изъ Египта“ и именно въ присутствіи этихъ „прибывшихъ“; *Биллий* предполагаетъ, что оно сказано послѣ втораго слова о богословіи. По характеру содержанія и по степени достоинства это слово дѣйствительно вполне однородно съ словами о богословіи. Любопытную черту этого слова составляетъ буквальное повтореніе въ немъ двухъ мѣстъ изъ защитительнаго слова о своемъ бѣгствѣ въ Понтъ (сличи т. I, стр. 20 и т. II, стр. 163).

Защитнику православія противъ аріанства въ Константинополѣ естественно было подкрѣплять себя авторитетомъ великаго защитника Никейскаго символа въ Александріи—св. Аѳанасія. По этому можно согласиться съ Тильекономъ, который считаетъ временемъ составленія похвальнаго слова св. Аѳанасію 379 г. ¹⁾. На константинопольское же происхожденіе этого слова указывается и въ немъ самою (II, 180): „не безопасно было бы памятовать житія нечестивыхъ и проходить молчаніемъ мужей, прославившихся благочестіемъ, особенно въ городѣ, который едва ли спасуть и многіе примѣры добродѣтелей, потому что онъ божественные предметы обращаетъ въ забаву такъ же, какъ конскія ристанія и зрѣлища“. Упомянутое въ словѣ о соборѣ „въ семь великомъ градѣ“ указываетъ, по мнѣнію Филарета на то, что слово говорено во время собора (381 г.). Представляя первоисточникъ для біографіи Аѳанасія и для исторіи церкви его времени, слово это, однако, рисуетъ не столько индивидуальный образъ великаго святителя, сколько вообще разсуждаетъ о добродѣтели, что впрочемъ согласно и съ намѣреніемъ самого проповѣдника, выраженнымъ въ самомъ началѣ: „хвала Аѳанасія, буду хвалить добродѣтель“. Въ этомъ смыслѣ это слово полнѣе, чѣмъ другіе похвальныя слова Григорія, осуществляетъ понятіе Григорія о христіанскомъ похвальномъ словѣ, которое должно быть не только и не столько похвалою умершему, сколько рядомъ наставленій живымъ, извлечен-

¹⁾ Migne, XXXV, 1082.

ныхъ изъ его прижѣра. Лучшее жѣсто въ словѣ—описаніе пустыни и иноческой жизни въ пей.

Два слова о мирѣ, произнесенныхъ непосредственно предъ словами о богословіи (во второмъ Григорій упоминаетъ о томъ, что онъ готовитъ эти слова), оба несомнѣнно въ 379 г. (на что указываетъ упоминаніе въ первомъ о войнѣ съ готфами, которую именно въ этомъ году велъ Θεодосій, а во второмъ о бросаніи въ него камней еретиками и о томъ, что только часть церкви выздоровѣла отъ болѣзни ереси, а другая еще только начинаетъ выздоравливать), принадлежать къ числу превосходнѣйшихъ во всѣхъ отношеніяхъ и для всѣхъ временъ правоучительныхъ проповѣдей какъ по энергіи мысли и чувства, такъ и по изяществу изложенія и особенно по обилію превосходныхъ мыслей.

Въ 378 году Григорій былъ призванъ въ Константинополь, для того, чтобы, какъ онъ самъ говоритъ ¹⁾, „быть помощникомъ народу, защитникомъ слову, чтобы души безводныя, но еще зеленыя, освѣжить струями благочестія“. Первыми плодами его краснорѣчія здѣсь слѣдуетъ считать, кажется, похвальное слово Кипріану (сказанное въ октябрѣ 379 г.) ²⁾, которое при всемъ своемъ достоинствѣ въ ораторскомъ отношеніи служитъ доказательствомъ того, какъ мало обращалось въ то время вниманія въ похвальныхъ рѣчахъ мученикамъ и святымъ, имѣвшихъ цѣлю назиданіе, на изслѣдованіе точныхъ фактическихъ данныхъ: проповѣдникъ хочетъ говорить о Кипріанѣ Кароагенскомъ, но, хотя этотъ священномученикъ скончался не больше, какъ за 80 лѣтъ предъ тѣмъ, Григорій постоянно сбивается на другаго Кипріана, епископа Антіохіи финикійской, умершаго за 20 лѣтъ до рожденія Григорія. Въ концѣ того же 379 года сказано слово въ похвалу философа Ирона, подъ которымъ разумѣется не кто иной, какъ столь безчестно поступившій съ Григоріемъ позже александрійскій

¹⁾ Стихотвор. о своей жизни, VI, 24.

²⁾ Migne, p. c. s. v. gr. t. XXXV, col. 1170. Самъ Григорій называетъ слово Кипріану начатками своего слова, т. е. въ Константинополѣ: ἀὐτὰ τοῖς τὸν ἐρῶν λόγον αἰ ἀπαρχαί. Migne, t. XXXV, col. 1193. Кроме того въ словѣ есть указаніе на то, что проповѣдникъ обращается съ своею рѣчью къ пастырь, сдѣлавшейся ему известной съ недавняго времени.

философъ Максимъ, извѣстный по письму къ нему Аѳанасія и по нѣкоторымъ сочиненіямъ. По мнѣнію Геронима, эта замѣна имени Максима именемъ Ирона сдѣлана въ рукописяхъ позже кѣмъ-либо другимъ; по болѣе вѣроятному предположенію новѣйшихъ изслѣдователей (Виллія) она принадлежитъ самому Григорію, который, весьма возможно, послѣ гнуснаго поступка Максима не желалъ видѣть его имя на своей проповѣди ¹⁾). Репутація не только чело-вѣка науки — философа, но и богослова, съ которою явился въ Константинополь Максимъ, была причиной, по которой св. отецъ рѣшился горячо привѣтствовать его, чтобы пріобрѣсть въ немъ сотрудника себѣ въ великомъ подвигѣ защиты малаго числа православныхъ въ Константинополѣ. Его, незнакомаго съ людьми. плѣняло это совмѣщеніе ревности по истинѣ Христовой съ философскимъ званіемъ въ то время, какъ вокругъ него множество враговъ насмѣхалось лишь надъ проповѣдникомъ и клеветало на него. Это слово — одно изъ наиболѣе характеристичныхъ по отношенію къ Григорію, къ его стремленію въ своемъ богословствованіи подойти возможно ближе къ научности, не дѣлая, однако, богословія спекулятивнымъ мышленіемъ и не поступааясь чистотою церковной вѣры.

Вскорѣ по произнесеніи этого похвальнаго слова философу состоялся заговоръ Максима противъ Григорія, окончившійся впрочемъ изгнаніемъ Максима изъ Константинополя. Къ половинѣ 380 года относятъ слово Григорія, вызванное этими тяжелыми и прискорбными обстоятельствами, озаглавленное „о себѣ самомъ, послѣ возмущенія, произведеннаго Максимомъ“. Страданія благородной души великаго пастыря, любовь его къ своей цаствѣ и его ревность о православіи вызываютъ самыя трогательныя чувства въ немъ, которыя и выражаются въ этомъ словѣ. Это одно изъ задушевиѣйшихъ, исполненныхъ глубокаго лиризма словъ Григорія.

Неизвѣстно, когда именно, но въ томъ же 380 году сказаны св. Григоріемъ его знаменитыя „пять словъ о богословіи“. Доставившія ему имя „Богослова“ и по справедливости считав-

¹⁾ Исследование вопроса о личности Максима и о имени Ирона см. у Миня, XXXV, col. 1195.

шіяся во всё времена главнымъ первоисточникомъ для догматическаго ученія о пресв. Троицѣ. Для того, чтобы понять всю силу впечатлѣнія этихъ проповѣдей и все значеніе ихъ для того времени, нужно припомнить обстоятельства, ихъ вызвавшія. Не только еретики, въ родѣ евноміанъ, дѣлавшіе основныя догматы вѣры предметомъ спекулятивнаго философскаго мышленія, считавшіе все и въ области религіи доступнымъ постиженію, и возможнымъ для знанія, и самыя глубины Божіи (1 Кор. II, 10), съ полнѣйшею свободою разсуждали о Троицѣ, о Лицахъ Божества въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, но и сами православные, лица всѣхъ званій и состояній и всѣхъ степеней образованія, предались разсужденіямъ о догматахъ. Догматы сдѣлались въ полномъ смыслѣ слова общественными вопросами для всего христіанскаго востока, въ особенности его интеллектуальныхъ и научныхъ центровъ. Въ наше время не легко понять это увлеченіе вопросами отвлеченнаго религіознаго міросозерцанія со стороны всѣхъ безъ исключенія классовъ общества, людей самыхъ разнообразныхъ положеній и степеней образованія. Дѣло въ томъ, что народъ греческій, по природному складу своихъ духовныхъ силъ по преимуществу спиритуалистическій, образованный классически, развившійся на философіи и ораторской діалектикѣ, болѣе или менѣе освоившійся съ діалектической и ораторскою концепціей всякаго рода вопросовъ, не могъ въ это время не сосредоточиться всѣми своими духовными силами на ученіи христіанства, когда оно, въ качествѣ доктрины еще новой, не опознанной вполне, предстало предъ нимъ во всемъ своемъ привлекающемъ и поражающемъ величій: для образованнаго, давно вполне развившагося эллинскаго генія, обновленнаго церковію, въ этомъ ученіи представлялась новая свѣжая и обильная пища. Естественно, что этотъ энтузіазмъ къ христіанству и этотъ давній навыкъ греческаго интеллекта къ діалектической концепціи *всякаго рода теоретическаго міросозерцанія* произвели явленіе, не совсѣмъ ожидаемое и, главное, несовсѣмъ желательное для церкви, не соответствовавшее характеру *богооткровеннаго религіознаго ученія*. По словамъ Григорія (III, 155) въ церковь вкрались изреченія и загадки древнихъ мудрецовъ, Пирроновы

способы настоять, задержать, противоположить, Хризищовы приемы рѣшать силлогизмы, Аристотелевы ухищренія, Платоново красноречіе, — однимъ словомъ вся научность древняя, формальная и матеріальная, стала примѣняться къ христіанскому ученію. Начиная съ императоровъ и нисходя до послѣдняго простолюдина все принялось *разсуждать*, въ слѣдъ за богословами по профессіи, церковными и еретическими, о Рожденномъ и Нерожденномъ, о триничности Лицъ въ Божествѣ, о двухъ естествахъ въ Богѣ—Сынѣ. „Таковыми людьми, говоритъ Григорій Нисскій, наполнены всѣ мѣста въ городѣ: рынки, переулки, улицы, площади; спорять ветопшники, мѣнялы, продавцы съѣстныхъ припасовъ. Если спросить кого-либо изъ нихъ объ оwoлахъ — онъ тотчасъ начнетъ *философствовать* съ тобой о природѣ Рожденнаго и Нерожденнаго. Если захочешь справиться о цѣнѣ хлѣба, отвѣтять: Отець больше, а Сынъ подчиненъ. Если скажешь: не дурно бы помыться въ банѣ—услышишь въ отвѣтъ: а вѣдь Сынъ произошелъ изъ несущаго“. Такъ было въ Ниссѣ, провинціальномъ городкѣ, гдѣ споры о богословіи, какъ можно предполагать на основаніи этихъ словъ Григорія Нисскаго, велись до нѣкоторой степени благоговѣйно и уважительно по отношенію къ предмету спора. Нѣсколько иначе было въ столицѣ. „Состязаніями оглашается всякая площадь, жалуется св. Григорій Богословъ на спорщиковъ константинопольскихъ, скукою пустословія отравляется всякое пиршество; въ самыя терема женскіе, эти жилища простоты, проникаетъ смятеніе, и цвѣтъ стыдливости увядаетъ отъ страсти къ словопренію. Разсуждаютъ для одной забавы, какъ обо всемъ другомъ, послѣ конскихъ скачекъ, послѣ театра, послѣ пѣсенъ, по удовлетвореніи чреву и тому, что хуже чрева“ (III, 8). Среди такихъ тревожныхъ обществъ, вызывавшихся въ худшихъ случаяхъ праздною суетностію, по въ большинствѣ случаевъ, какъ можно предполагать на основаніи словъ Григорія въ другихъ прощовѣдяхъ ¹⁾, искреннимъ, умственнымъ интересомъ къ высокимъ истинамъ христіанскаго богословія, является Богословъ, въ полной и наибольшей компетентности котораго и спеціальной подго-

¹⁾ См. напр. т. III, стр. 134, 136 и др.

товкъ для рѣшенія подобныхъ вопросовъ никто не могъ сомѣваться, и разъясняетъ спорные вопросы съ такою глубиною, основательностію и ясностію, какихъ не знала до того времени въ области этихъ вопросовъ сама церковь. Онъ признаетъ всю естественность и высокое нравственное достоинство этого благороднаго движенія, направлявшагося къ тому, чтобы зажѣнить въ умахъ людей аптичныя философы философованіемъ о Христвѣ и вообще о догматахъ Церкви. Въ словѣ 32-мъ онъ говоритъ: „ваше усердіе требуетъ большого, а мои силы предлагаютъ средственное...“ „Причина сего неустройства (т. е. не всегда умѣстныхъ споровъ о догматахъ) *природная* горячность и *великость духа*. Я нимало не осуждаю этой горячности, безъ которой нельзя успѣть ни въ благочестіи, ни въ добродѣтели...“ Но рѣшая въ своихъ проповѣдяхъ эти вопросы, для всѣхъ насущные, проповѣдникъ однако обуздываетъ крайности свободомыслія, неумѣстный жаръ къ богословствованію людей, къ тому не призванныхъ, и старается возбудить вмѣсто неразумныхъ порывовъ къ праздному и безуспѣшному совопросничеству живительную теплоту дѣятельнаго благочестія.

«Что значить эта страсть въ словопреніямъ, что значить этотъ зудъ языка, что это за недугъ и жажда ненасытная? Намъ дѣла нѣтъ до страннопріимства, до братолубія, до любви супружеской, до дѣтей, до прирѣнія бѣдвыхъ; всеобщее стояніе на молитвѣ, слезы, усмиреніе тѣла постомъ не для насъ... «Для праведности и для премудрости одно опасно—горячность въ дѣлахъ и словѣ, отъ излишества преступающая предѣлы совершенства и добродѣтели. Равно вредятъ и недостатокъ, и избытокъ, какъ правилу прибавленіе и убавленіе. Никто да не будетъ ни мудръ болѣе надлежащаго, не законнѣе закона, ни блистательнѣе свѣта, ни прямѣе правила, ни выше заповѣдей» (III, 139). «Учить дѣло великое, поучиться дѣло безопасное» (III, 145).

По изложенію „слова о богословіи“ лучшія изъ проповѣдей Григорія: по всему видно, что, создавая не только все достоинство и величіе предмета, но также и важность историческаго момента, когда онъ рѣшился посвятить свою рѣчь этому предмету, проповѣдникъ, находясь въ періодѣ наиболѣе высшаго развитія своего великаго таланта и полной зрѣлости и силы своей могучей мысли, приложилъ все тшаніе къ обработкѣ этихъ словъ. При краткости

и сжатости выраженія, они отличаются всею тою ясностію и точностію богословской терминологіи, какой только можно требовать, проникнуты одушевленіемъ и кроткимъ благочестивымъ настырскимъ чувствомъ.

Съ словами о богословіи отчасти одинаковы по предмету и по степени достоинства слова „о соблюденіи добраго порядка въ собесѣдованіи и о томъ, что не всякій и не во всякое время можетъ разсуждать о Богѣ“, также— „противъ аріанъ и о самомъ себѣ“.

Намъ нѣтъ надобности входить въ подробное и точное опредѣленіе времени произнесенія остальныхъ константинопольскихъ проповѣдей св. Григорія: всѣ онѣ произнесены на пространствѣ времени двухъ съ половиною лѣтъ, всѣ группируются около знаменитыхъ словъ о богословіи, отчасти предшествуя имъ, отчасти сопровождая, но въ томъ и другомъ случаѣ представляя съ ними большее или меньшее сходство по содержанію. Къ сентябрю 380 года относятъ ¹⁾ слово „къ пришедшимъ ²⁾ изъ Египта“. Изъ Египта доставлялся въ Константинополь хлѣбъ, прибывшіе съ нимъ въ этомъ году оказали вниманіе св. Григорію, посѣтивъ его церковь. Григорій привѣтствуетъ ихъ словомъ, исполненнымъ остроумія. Проповѣдникъ припоминаетъ древнее, при Иосифѣ, значеніе Египта, какъ страны хлѣба, значеніе этой страны въ жизни Иисуса Христа, останавливается на современномъ значеніи Египта, какъ житницы столицы, и затѣмъ предлагаетъ слушателямъ-пришельцамъ вкусить его хлѣба: „и мы раздаемъ пшеницу, и наше раздаваніе можетъ быть не хуже вашего. Придите, ядите мой хлѣбъ и пейте вино, еже растворихъ вамъ—вмѣстѣ съ Премудростію призываю васъ къ своей трапезѣ“. Затѣмъ проповѣдникъ припоминаетъ значеніе Египта въ новѣйшей исторіи христіанства и приглашаетъ слушателей къ единодушію и единомыслію въ вѣрѣ. „Объемлю и при-

¹⁾ Migne, XXXVI. 238.

²⁾ Преосв. Фларетъ вслѣдъ за Бароніемъ, Билліемъ и другими видитъ въ этихъ «прибывшихъ» египетскихъ епископовъ, пріѣхавшихъ посвятить Максима. Но ни въ заглавіи слова, ни въ его содержаніи нѣтъ указаній на то, что эти прибывшіе были епископы. См. Monitum къ этому слову у Мниа, XXXVI, col. 238.

вѣтствую тебя, лучший изъ народовъ, народъ христолюбивѣйшій, пламенѣющій благочестіемъ, достойный вождей своихъ! Хотя немного предлагаю устами, однако многое храню для васъ въ сердечномъ расположеніи. Народъ мой — ибо своимъ называю народъ единомысленный и единовѣрный, учившійся у тѣхъ же отцовъ, покланяющійся Троицѣ! Вотъ я даю десницу общенія при столькихъ свидѣтеляхъ, видимыхъ и невидимыхъ, и древнюю клевету отражаю новою благорасположенностію“.

Послѣ того, какъ императоръ Феодосій, прибывъ въ Константинополь, изгналъ изъ столицы еретиковъ и возвратилъ всѣ церкви православнымъ, Григорій (въ декабрѣ 380 г.) произнесъ свое слово „въ память св. мучениковъ и противъ арианъ“, — первое слово, произнесенное имъ въ кафедральномъ храмѣ столицы, которымъ долѣ владѣли ариане. По незначительности объема этого слова, нѣкоторые (Монтакуцій) считаютъ его въ томъ видѣ, какъ оно дошло до насъ, не цѣлымъ словомъ, а отрывкомъ изъ слова, а нѣкоторые сомнѣвались въ принадлежности этого слова Григорію, приписывая его Златоусту. Но сходство его въ слогѣ съ другими проповѣдями Григорія, а въ содержаніи съ тѣмъ, что онъ рассказываетъ объ обстоятельствахъ этого времени въ стихотвореніи о своей жизни, дѣлаютъ послѣднее предположеніе неосповательнымъ.

Въ томъ же декабрѣ 380 года, какъ думаютъ, Григорій произнесъ свое слово „о себѣ самомъ, къ говорившимъ, что онъ домогается епископскаго въ Константинополь престола“. Изъ этой проповѣди, имѣющей не просто автобіографическій характеръ, какъ можно предполагать по ея заглавію, но содержащей не мало прекрасныхъ мыслей о епископскомъ служеніи вообще, видны какъ всеобщее уваженіе, пріобрѣтенное уже Григоріемъ между православными въ Константинополь, такъ и интриги противъ него со стороны еретиковъ. Послѣ подробнаго изображенія самого себя, своего характера и стремленій, проповѣдникъ съ классическимъ совершенствомъ изображаетъ порокъ зависти, потому дѣлаетъ такіа наставленія:

«Мы стыдимся, скажешь, сдѣланныхъ тебѣ оскорбленій. А мнѣ стыдно за васъ, что стыдитесь сего. Если терпимъ сіе справедливо, то долж-

но стыдиться больше намъ самимъ, стыдиться не столько потому, что насъ безчестять, сколько потому, что достойны мы бесчестія. Если же терпимъ несправедливо, то виновны въ семь оскорбляющіе насъ, и потому о нихъ больше нужно скорбѣть, чѣмъ о насъ, ибо они терпятъ зло». «Цари, уважайте свою порфиру (ибо наше слово даетъ законы и законодателями), познайте, сколь важно вѣренное вамъ. Цѣлый міръ подъ вашею рукою, сдерживаемый небольшимъ вѣнцомъ и короткою мантиею. Горнее принадлежить единому Богу, а дальнее и вамъ: будьте богами для своихъ подданныхъ! Мы вѣруемъ, что сердце царевъ въ руку Божию: въ семь должна состоять ваша сила, а не въ золотѣ, не въ полчищахъ. Приближенные къ царскимъ дворамъ и престоломъ, не очень превозносите своею властію! Будьте вѣрны царямъ, первоначально же Богу, а ради Его и тѣмъ, которымъ вы преданы. Гордящіеся благородствомъ! облагораживайте нравы, или скажу вѣчто, хотя нецрпнтное, но благородное: тогда ваше благородство было бы подлинно благородное, когда бы въ родословныхъ внигахъ не писались и неблагородные люди. Богатые! послушайте свазавшаго: богатство аще течеть, не примагайте сердца, — знайте, что полагаетесь на вещь непрочную. Надобно облегчить корабль, чтобы легче было плыть. Можетъ быть, отнимешь что-нибудь и у врага тѣмъ, что къ нему перейдетъ твое имущество. Питающіеся роскошно! отнимите, что нибудь у чрева и дайте духу. Нищій близъ тебя; окажи помощь въ болѣзни, излей на него что-нибудь отъ избытковъ. Для чего и тебѣ страдать несвареніемъ желудка, а ему—голодомъ, тебѣ головою болью отъ влаги, и ему водяною? Тебѣ чувствовать обремененіе отъ пресмыщенія, а ему изнемогать отъ недуга? Граждане великаго града, первые послѣ гражданъ перваго въ міръ города! Окажитесь первыми не въ порокахъ, но въ добродѣтели, не въ распутствѣ, а въ благочиніи! Стыдно господствовать надъ городами и уступать надъ собою побѣду сладострастію, въ иномъ соблюдать цѣломудріе, а къ конскимъ ристалищамъ, зрѣлищамъ, попришу и псовой охотѣ имѣть такую бѣшеную страсть, что въ этомъ одномъ поставлять свою жизнь, и первому изъ городовъ стать городомъ играющихъ. О, если бы вы отинули сіе, содѣлались Божиимъ градомъ и свѣтлые свѣтло предстали вмѣстѣ съ нами Великому Градожижителю!»

Слово на слова: *егда сконча Исусъ словеса сія* составляетъ единственную гомилію въ числѣ дошедшихъ до насъ проповѣдей св. Григорія. Думаютъ, что это одна изъ тѣхъ бесѣдъ Григорія, которыя онъ держалъ къ народу безъ приготовленія и записи, и что такихъ бесѣдъ было произнесено имъ не мало, что настоящая гомилія есть лишь часть цѣлаго ряда толкованій на Евангеліе отъ Мат-

еся. Представляя образцовое произведеніе своего рода по формѣ, гомилія эта замѣчательна и по мыслямъ, по толкованію ученія о бракѣ и дѣтствѣ, содержащагося въ XIX, 1—12 Евангелія отъ Маттея. Между прочимъ проповѣдникъ влагаеть въ уста Іисуса Христа такую рѣчь:

«Басательно цѣломудрія, какъ вижу, многіе имѣють неправильное понятіе, да и законъ у нихъ не равенъ и не правиленъ. Ибо почему законъ обуздаль женскій полъ, а мужескому далъ свободу, и жена, злоумыслившая противъ ложа мужняго, прелюбодѣйствуетъ и подвергается за то строгому преслѣдованію законъ, а мужъ, прелюбодѣйствующій съ женою, не подлежитъ отвѣтственности? Я не принимаю такого законодательства, не одобряю обычая. Мужья были законодателями, потому и законъ обращенъ противъ женъ; потому и дѣтей отдали подъ власть отцовъ и слабѣйшій полъ оставленъ въ пренебреженіи. Богъ установилъ не такъ (Исх. XX, 12, XXI, 16, Сир. III, 9). Одинъ Творецъ мужа и жены, одна персть оба они, одинъ для нихъ законъ, одна смерть, одно воскресеніе; одинаково рождаемся отъ мужа и жены. Какъ ты требуешь цѣломудрія, котораго самъ не соблюдаешь? взыскиваешь, чего не даешь? Почему будучи самъ плоть такого же достоинства, не равно законополагаешь? Жена согрѣшила, но согрѣшилъ и Адамъ; змій прельстилъ обоихъ, не оказался оденъ слабѣе, а другой крѣиче. Но возьми во вниманіе лучшее. Обоихъ спасаетъ Христось страданіями. За мужа сталъ онъ плотію такъ же, какъ и за жену. За мужа умеръ, но Его смертію спасается и жена. Христось отъ сѣмени Давидова именуется, но отъ Дѣвы рождается,—не честь ли это женамъ?» (III, 218—219).

Въ этихъ словахъ комментаторы проповѣдей Григорія видять критику съ его стороны дѣйствовавшихъ въ его время укаконеній греко-римскаго кодекса относительно брака и развода, которая тѣмъ больше должна была имѣть значенія, что при произнесеніи этой проповѣди присутствовали высшіе государственные чины имперіи, а можетъ быть, какъ думаетъ Тильмонъ, и самъ императоръ Θεодосій. Къ этому послѣднему предположенію дѣйствительно подають поводъ слѣдующія слова бесѣды:

«Сіе предписываю (νομοθετῶ) мірянамъ, сіе заповѣдую священникамъ, а равно и тѣмъ, кому ввѣрено начальство (τοῖς ἀρχαῖς πολιτευομένοις). Вспомоществуйте слову всѣ, кому дана отъ Бога возможность вспомошествовать. Великое дѣло воспрепятствовать убійству, на-
«Христ. Чтен.», № 9—10, 1886 г. 23

казать прелюбодѣяніе, обуздаты хищничество; несравненно выше внушить благочестіе и преподавать здравое ученіе. Не столько будетъ имѣть силы мое слово, подвизающееся за св. Троицу, сколько *твое повелѣніе* (τὸ προσταγμα), если ты заградишь уста злонамѣреннымъ, поможешь гонимымъ, остановишь убійцъ, — разумѣю не одно тѣлесное, но и духовное убійство... Мужи и жены, начальники (ἄρχοντες) и подчиненные, старцы, юноши и дѣвы, люди всякаго возраста, переносите всякій ущербъ, касающійся имущества или и тѣла, одного не потерпите, чтобы понесло ущербъ ученіе о Божествѣ. (Ш, 232).

Изъ этихъ же увѣщаній и просьбъ проповѣдника видно, что бесѣда произнесена прежде, чѣмъ состоялся эдиктъ о передачѣ всѣхъ церквей въ руки православныхъ и изгнанія аріанъ изъ столицы ¹⁾, такъ какъ здѣсь Григорій еще проситъ о томъ, хотя произнесена она уже въ главной церкви столицы, что видно изъ замѣчанія проповѣдника, что его рѣчь раздается въ пустынѣ нѣкогда безводной, но нынѣ весьма населенной (λίαν οἰκουμένην).

„Слово на Богоявленіе или на Рождество Спасителя“ произнесено въ Константинополѣ 25 декабря 380 г., что видно изъ того, что онъ называетъ себя пришельцемъ (Ш, 287), содержать въ себѣ данныя литургическія, цѣнныя для исторіи праздника. Первая половина слова изложена въ возвышенно-торжественномъ тонѣ, какъ и прочія праздничныя слова Григорія, и говоритъ о томъ, какъ слѣдуетъ праздновать праздникъ по христіански; вторая — содержитъ догматико-полемиическія разсужденія. Слова: „на св. свѣтыя явленія Господнихъ“ и „на Крещеніе Господне“ произнесены первое 6-го, второе 7-го января 381 и трактуютъ объ одномъ и томъ же. Въ первомъ проповѣдникъ между прочимъ сооставляетъ языческія мистеріи съ христіанскими таинствами и доказываетъ неизмѣримое превосходство послѣднихъ; догматствуетъ о Божествѣ и о Троичности, о сущности благодати крещенія и объ ученіи Новаго; во второмъ убѣждаетъ главнымъ образомъ не откладывать крещенія и опровергаетъ основанія, на которыхъ основывался этотъ тогдашній

¹⁾ Что произошло лишь въ январѣ 381 г., какъ видно изъ кодекса Феодосіева (т. VI, lex. VI, p. 117), хотя аріанскій епископъ привужденъ былъ оставить Константинополь, какъ видно изъ свидѣтельства Сократа (Ц. И. V, 7), еще въ декабрь 380 г.

обычай. Во вторыхъ словѣ содержится опредѣленіе природы ангеловъ, какъ пѣковой струи или причастія божественнаго свѣта (III, 275), подобно тому какъ въ словѣ на Рождество Христово содержится ученіе о серафимахъ, заимствованное, повидимому, у св. Анастасія. Слово на пятидесятницу сказано въ Константинополѣ, 381 г. 16 мая. Въ началѣ проповѣди говорится объ истинномъ способѣ празднованія праздника, отличномъ отъ торжествъ языческихъ и іудейскихъ, о томъ особомъ уваженіи, въ какомъ находилось у древнихъ седмичное число, затѣмъ проповѣдникъ убѣждаетъ македоніанъ присоединиться къ церкви (изъ чего видно, что слово произнесено не въ Назіанзѣ, гдѣ, въ бытность тамъ Григорія, не было этихъ еретиковъ) и излагаетъ противъ нихъ ученіе о Св. Духѣ.

Завершеніе и вѣнецъ константинопольскихъ проповѣдей Григорія составляетъ слово, съ которымъ онъ обратился къ 150-ти отцамъ собора константинопольскаго, оставляя Константинополь, слово, при чтеніи котораго, по замѣчанію Беллармина, нельзя не заплакать, которое совмѣщаетъ въ себѣ большую часть лучшихъ качествъ его проповѣдничества, съ присоединеніемъ художественной простоты и стройности рѣчи, качествъ, весьма часто отсутствующихъ въ другихъ проповѣдяхъ, здѣсь же прекрасно соответствующихъ тому кроткому элегическому чувству, какимъ проникнутъ ораторъ. Изобразивши прежнее состояніе церкви константинопольской до прибытія своего въ этотъ городъ, съ сознаніемъ своихъ заслугъ, но и съ чувствомъ мѣры изображаетъ то религіозно-нравственное состояніе, въ какомъ онъ оставляетъ свою паству, и заканчиваетъ рѣчь трогательнымъ обращеніемъ къ дорогой своей Анастасіи, ко всему тому, что его чтило и любило, и общою заповѣдію всѣмъ сохранять преданіе и не забывать, какъ били его камнями.

Отбывъ изъ Константинополя, прежде, чѣмъ отправиться въ Назіанзъ, Григорій посѣтилъ Кесарію и произнесъ здѣсь свое знаменитое похвальное слово Василию, незадолго передъ тѣмъ (17 янв. 380 г.) скончавшемуся, представляющее верхъ христіанскаго панегиристическаго искусства, лучшее произведеніе этого рода во всей христіанской литературѣ. Нѣжная дружба, соеди-

нявшая его съ покойнымъ отъ лѣтъ юности, дала возвышенный, почти восторженный колоритъ всей этой рѣчи. По отзыву еще давнихъ критиковъ, читая это слово, не знаешь, чему болѣе удивляться, добродѣтелямъ ли и подвигамъ Василия, или превосходному описанію ихъ Григоріемъ. Это слово — монументъ и Василию, образъ котораго воспроизводится въ немъ удивительно полно, цѣлостно и вѣрно, и самому Григорію, какъ великому мастеру слова. Описаніе гоненій на церковь при Максиминѣ, пребываніе двухъ друзей въ Афинахъ, устройство Василиемъ госпиталя, мужество его предъ префектомъ, а также заключеніе слова, гдѣ, оканчивая свой длинный рассказъ, приглашаетъ слушателей еще разъ взглянуть на свѣтлый и величественный образъ архипастыря капшадокійскаго—лучшія мѣста въ словѣ. Къ числу слабыхъ сторонъ слова относятся: слишкомъ обширныя воспоминанія изъ язычества, нѣкоторую излишнюю скрупулезность въ комментаріяхъ саможалѣйшихъ чертъ изъ жизни Василия, нѣсколько излишнихъ аллегорій и эпитетовъ.—Послѣ того, какъ онъ прибылъ въ Назіанзъ, онъ произнесъ въ немъ два слова: „въ недѣлю новую, о веснѣ, и въ память мученика Мамонта“ (16-го апрѣля 383 г.) и „на св. Пасху“. Въ первомъ изъ этихъ словъ прекрасно описаніе весенней природы.

V.

Слово на св. Пасху (2-е), помѣщаемое во всѣхъ кодексахъ сочиненій Григорія послѣднимъ между его проповѣдями, произнесено по мнѣнію однихъ (Migne) въ Аріанзѣ, а по мнѣнію другихъ въ Назіанзѣ, въ 385 году. Оно, между прочимъ, содержитъ въ себѣ буквальное повтореніе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ прежде сказаннаго слова на Рождество Христово.

Мы сдѣлали краткій обзоръ всѣхъ несомнѣнно подлинныхъ проповѣдей Григорія¹⁾. Не легко указать между ними лучшія:

¹⁾ Въ изданіи Биллія, съ котораго сдѣланъ русскій переводъ твореній Григорія, всѣхъ проповѣдей его насчитывается пятьдесятъ; но эта цифра образовалась вслѣдствіе того, что Биллій ошибочно отвесъ къ числу проповѣ-

великій ораторъ почти вездѣ равенъ самому себѣ. Если слова догматическія отличаются глубиною, оригинальностію и основательностію мысли (особенно 2-е слово о богословіи), то слова правоучительныя (особенно о любви къ бѣднымъ, защитительное о бѣгствѣ въ Понтъ, 3-е слово о мирѣ, о градобитіи) характеризуются неотразимою убѣдительностію и христіански-классическимъ достоинствомъ правоучительныхъ мыслей. Рѣчамъ, имѣющимъ характеръ личныхъ объясненій, апологетическимъ, высокую цѣну придаетъ глубокая искренность и задумчивость, сила нѣжнаго чувства чело­вѣка, который всегда и вездѣ имѣетъ въ виду не личные интересы, а высшее нравственное благо своей паствы (особенно въ словѣ о бѣгствѣ въ Понтъ и въ словѣ къ 150 епископамъ). Въ панегирикахъ, которые не безъ основанія упрекаютъ за нѣкоторыя преувеличенія, свойственныя впрочемъ вообще этого рода рѣчамъ, замѣчательны сила и красота истинно ораторскихъ изображеній и глубокая назидательность, такъ какъ проповѣдникъ все-таки не столько хвалитъ хотя и вполне заслуживающихъ похвалъ лицъ, сколько въ ихъ лицѣ преподаетъ уроки живымъ (лучше другихъ похвальные слова Василию и мученикамъ Маккавеямъ). То же слѣдуетъ сказать и о другихъ словахъ — вступительныхъ, прощальныхъ, утѣшительныхъ, умиротворительныхъ, на посвященіе: все они отличаются тѣми или другими достоинствами, свойственными имъ по характеру предмета.

По внѣшнему своему виду проповѣди Григорія одни очень кратки, другія — обширны. Первыя — слова, вызванныя внезапными обстоятельствами, если эти слова, можетъ быть, и не были

дей посланія Григорія къ Евагрію, Нектарію и Кледонію. Въ армянскомъ переводѣ 34 слова Григорія упоминаются неизвѣстныя Виллію: 1) гомилія противъ тѣхъ, которые говорятъ, что Отецъ больше Сына; 2) похвала кресту; 3) надгробная рѣчь архіеписк. Мелетію; 4) надгробная рѣчь другу Максиму; блаж. Августинъ упоминаетъ о двухъ словахъ Григорія *о сѣри*; наконецъ *Маттеи* напечатъ отрывокъ слова къ астрономамъ (перепечатанъ Мивенъ); на коптскомъ языкѣ извѣстны двѣ гомиліи Григорія: объ Авраамѣ и Исаакѣ и о благовѣщеніи; Феодосій, епископъ эдесскій, въ толкованіи на слова Григорія упоминаетъ о гомиліи Григорія на чудеса пророка Иліи. См. Филарета Истор. ученіе объ отцахъ церкви, § 144.

импровизациями, къ каковому заключенію подаетъ поводъ то, что небольшую привѣтственную рѣчь Евладію (I, 314) онъ называетъ словомъ *новосоставленнымъ* (λόγος νεοκτιστός), — тѣмъ не менѣе, по словамъ самого Григорія, они „сказаны *просто*, со всякимъ благорасположеніемъ“ (I, 312). Къ этой группѣ относятся слова 1, 2, 9, 10, 12 и 13-е (по русск. изданію). Другія слова — длинныя, тщательно обработанныя до высшей степени художественности, о которыхъ, выражаясь языкомъ самого Григорія, можно сказать, что они назначены „святить всеѣмъ церквамъ и душамъ, и всей полнотѣ вселенной, — какъ слова *не догадочно предложенныя, не мысленно только преднаписуемыя*, но изрекаемыя ясно, какъ совершеннѣйшее обнаруженіе богословія“ (I, 312). Изъ этихъ нѣкоторыя были имъ по видимому послѣ произнесенія еще вновь перерабатываемы, послѣ чего получили ту наибольшую обширность, при какой, очевидно, произнесены быть не могли, каковы напр. слова на Юліана, похвальное слово Василию Великому, слова о богословіи.

По формѣ и по строенію проповѣди Григорія, за исключеніемъ единственной гомили — толкованія на слова Мѣ. XIX, 1 — 12, суть всѣ тематизованныя слова (λόγοι). Въ этомъ отношеніи — въ установленіи типа тематизованнаго слова въ проповѣднической литературѣ IV в. — Григорій стоитъ впереди своихъ великихъ современниковъ не только Ефрема, но и Григорія Нисскаго и Василия Великаго. Тематизація эта состоитъ въ единствѣ предмета, хотя и не всегда выдерживаемомъ со всею строгостію, такъ какъ проповѣдникъ, о чемъ бы ни говорилъ, никогда не упускаетъ случая возвращаться къ главному предмету всей своей проповѣднической дѣятельности — къ догматическому ученію о Троицѣ, которое и вставляетъ нерѣдко въ проповѣди, и не имѣющія въ цѣломъ догматическаго характера (напр. I, 238, II, 286, III, 189). Иногда тема проповѣди и прямо высказывается проповѣдникомъ: такъ видимъ въ словѣ о бѣгствѣ въ Понтъ, гдѣ онъ прямо говоритъ, что рѣчь его будетъ имѣть предметомъ объясненія причинъ бѣгства и причинъ возвращенія. Подобнымъ образомъ въ словѣ 5-мъ: „теперь предназначу другую цѣль слову — ... какъ правдивы

вѣсы Божии и какія воздаянія находитъ для себя нечестіе“ (I, 177); или: „примите слово о любви къ бѣднымъ“ (II, 1); иногда въ приступѣ намѣчается предметъ слова: „любезный миръ, возделанный дѣломъ“ и т. д. (II, 228). Затѣмъ въ структурѣ проповѣди большею частію нѣтъ внѣшняго схематизма, то есть яснаго обозначенія составныхъ частей слова или дѣленія, какое видимъ въ словѣ на Крещеніе (III, 272) или въ словѣ Горгоніи (I, 269) и еще (III, 78, 95). Вообще риторически — правильная внѣшняя структура слова не составляетъ предмета замѣтной парочитой заботливости проповѣдника: мысли его въ гениальномъ изобиліи, хотя и въ сжатомъ компактномъ видѣ, всегда въ болѣе или менѣе остроумныхъ и своеобразныхъ комбинаціяхъ текутъ вполне свободно, въ стройной логической ассоціаціи, правильность которой мало нарушаютъ безчисленныя детальныя уклоненія отъ непосредственнаго предмета рѣчи, которыя плодитъ его гениально изобильная мысль.

Большая часть словъ имѣетъ искусно составленное вступленіе, иногда очень длинное (напримѣръ въ словѣ о любви къ бѣднымъ, а также въ словѣ на Пасху—IV, 152—162,—гдѣ проповѣдникъ самъ влагаетъ въ уста слушателей жалобу на необычайную длину вступленія: „что намъ до сего, скажетъ кто нибудь, топи коня къ цѣли, любомудрствуй о томъ, что относится къ празднику, и для чего собрались мы нынѣ; такъ и едѣлаю, хотя началъ нѣсколько отдаленно, принужденный усердіемъ“) ¹⁾. Содержаніе вступленія заимствуется то отъ внѣшнихъ обстоятельствъ проповѣдника (наприм. въ словахъ 1, 36, 17), отъ порокѣвъ слушателей (слова 6, 20, 32), отъ величія и важности праздника (слова 45, 1-е, 38, 39, 45). то состоитъ изъ краткаго повторенія сказаннаго въ предъидущемъ словѣ (слова 28, 30, 31, 40) и др. Какъ на образцовыя можно указать на вступленія въ словѣ на Богоявленіе (III, 234), по случаю градобитія (II, 47), о самомъ себѣ (III, 200) и во всѣхъ папегирікахъ.

¹⁾ Эти длинныя разсужденія впрочемъ такъ изобилуютъ прекрасными мѣстами, что мы отнюдь несогласны считать ихъ недостаткомъ, подобно Панвилю *Pragm. Gesch.* § 90 и Небе (*Zur Geschichte der christl. Bereds.* в. I стр. 68).

Болѣ краткія вступленія—въ словахъ о бѣгствѣ въ Понтъ и на день Маккавеевъ.—Заключенія въ проповѣдяхъ Григорія весьма разнообразны: то онъ повторяетъ кратко содержаніе слова (сл. 35), то проситъ себѣ помощи (сл. 3, 7, 45), то обращается съ молитвой къ Троицѣ или воспоминаемому святому (I, 267, сл. 21 и 43), то увѣщаетъ слушателей къ соблюденію тѣхъ или иныхъ предписаній нравственности (сл. 1, 2, 6, 11, 14, 16), иногда сильно (сл. 22 и 29), иногда кротко и нѣжно (сл. 19 и 37). Лучшее изъ заключеній, это прощальное обращеніе въ словѣ къ 150 епископамъ. Доказательства мыслей въ проповѣдяхъ Григорія заимствуются изъ св. Писанія, изъ разума—черезъ остроумныя діалектическія разсужденія, изъ жизни—въ видѣ сравненій и примѣровъ. Тексты изъ св. Писанія приводятся въ проповѣдяхъ Григорія въ изобиліи, обнаруживая въ проповѣдникѣ вполне специальное знаніе св. Писанія и будучи искусно вилетаемы въ рѣчь оратора то въ видѣ доказательствъ отъ авторитета слова Божія, то лишь для выраженія словами Писанія собственныхъ мыслей проповѣдника,—черезъ что получается для всей рѣчи проповѣдника вполне библейскій обликъ. Въ началѣ проповѣди, въ видѣ исходнаго пункта слова, библейскіе тексты у Григорія почти не употребляются. Хотя не часто, но встрѣчается у него при употребленіи текстовъ св. Писанія ихъ аллегорическое толкованіе (какъ напримѣръ въ второмъ словѣ о богословіи—восхожденіе Моисея и Аарона на гору; во второмъ словѣ на Пасху—IV, 152—объясненіе пасхальнаго агнца). Особенно любитъ Григорій объясненія черезъ сравненія и примѣры. Духовный пастырь сравнивается съ пастухомъ овецъ, жизнь человѣческая—съ моремъ, сердце, богатое добродѣтелями—съ кораблемъ, нагруженнымъ благородными товарами, еретьякъ—съ виномъ, смѣшаннымъ съ водою, изпѣживающее и слабое воспитаніе—съ наужиной; свою привязанность къ Василию Григорій сравниваетъ съ прилипчивостію полипа, себя самого, окруженнаго врагами—съ высокимъ деревомъ, обуреваемымъ вѣтрами, жителей Константинополя въ моментъ своего прибытія въ этотъ городъ—съ кораблемъ, погружающимся въ воду, съ пылающимъ въ пожарѣ домомъ, съ осажденнымъ городомъ, Аванасія—

съ алмазомъ и магнитою, Василія—съ орломъ, себя самого—съ солнцемъ, еретиковъ — съ змѣею, хвостъ котораго движется и послѣ того, какъ самъ оны убиты; Христосъ для однихъ спасенье, для другихъ погибель, подобно тому, какъ солнце для здоровыхъ глазъ увеличиваетъ силу зрѣнія, а для больныхъ—умельшаетъ: мѣръ, изъ котораго познается его Создатель, съ прекрасно настроенною цитрою. Изъ призмъ, приводимыхъ Григоріемъ, лучшіе изъ св. исторія. Изъ другихъ способовъ объясненія чаще встрѣчаются антитезы и пословицы (одна ласточка не дѣлаетъ весны, III, 265: у источника терять жажду; холодное желѣзо—твердо; часто падающая капля пробиваетъ камень; всякаго гнететъ своя ноша; не каждый можетъ перейти Гадесъ и т. д.). Въ обличеніяхъ еретиковъ встрѣчаются иронія и сарказмъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что, не смотря на всю любовь къ искусственной художественности рѣчи и особенную способность проповѣдника къ такой рѣчи, ему удается быть иногда вполне простымъ и яснымъ въ изложеніи, особенно въ словахъ правоучительныхъ. Теоретически же оны нѣсколько разъ высказывается за обязательность для проповѣдника полной простоты и безыскусственности (въ словѣ о любви къ бѣднымъ, въ IV словѣ о богословіи, въ словѣ къ 150 епископамъ и др.).

Наконецъ къ числу особенностей рѣчи Григорія относится и то, что оны весьма нерѣдко говоря объ одномъ и томъ же предметѣ въ различныхъ мѣстахъ, буквально повторяетъ сказанное прежде, и не отдѣльные только выраженія, но и цѣлыя отрывки¹⁾. Въ другомъ писателѣ это служило бы признакомъ слабости дарованій; а въ проповѣдяхъ Григорія это служитъ доказательствомъ того, какъ разборчивъ оны былъ и осмотрителенъ въ выборѣ формъ рѣчи, какъ заботился оны о томъ, чтобы какъ вся рѣчь, такъ и каждое его слово были достойнымъ выраженіемъ его высокихъ мыслей.

Н. Барсовъ.

¹⁾ Слѣча I, 20 съ II, 163; III, 250 съ II, 165, III, 238—246 съ IV, 154—162.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки